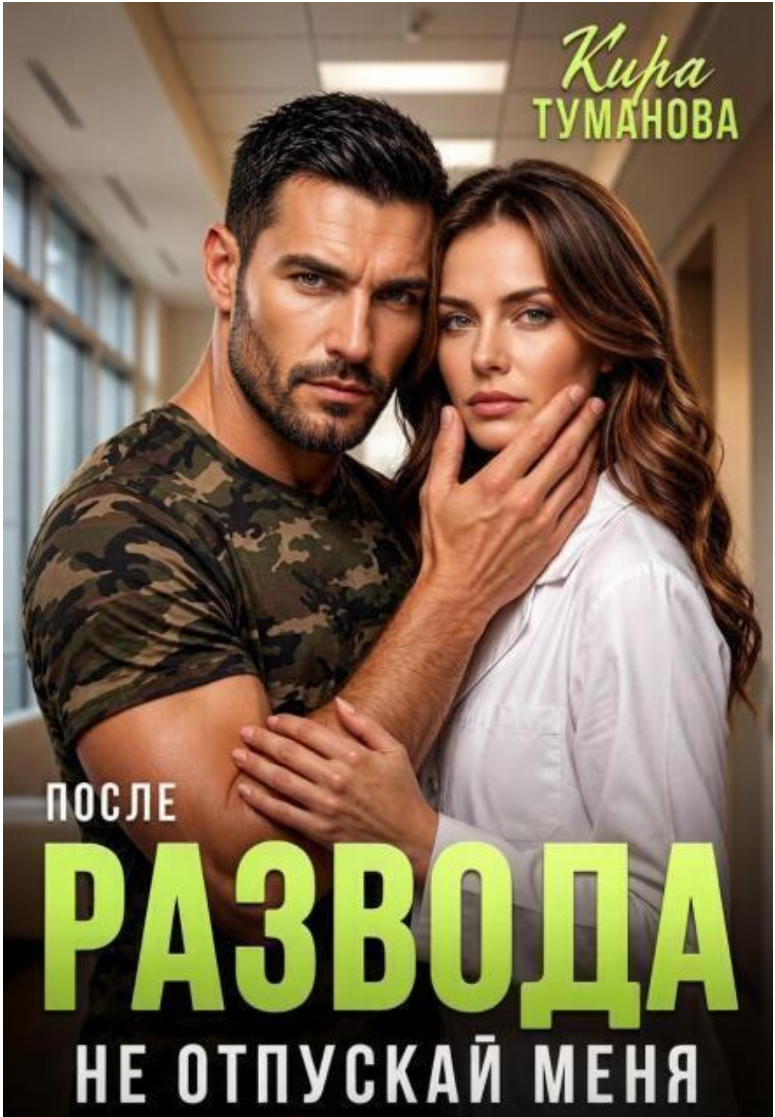

Кира
ТУМАНОВА
ПОСЛЕ
РАЗВОДА
НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ

Кира Туманова

После развода. Не отпускай меня!

https://litres.ru/74694692

Аннотация

— Какая бессмертная зараза залепила мне лобовуху пластырем?! — от яростного рыка вздрагивают стёкла госпиталя. — Я. И скажите спасибо, что не скальпелем по шинам, — сдираю с рук окровавленные перчатки, глядя в глаза разъярённому мужлану. — Страх потеряла, кукла? Ты вообще кто такая? — Сбавьте тон, командир. Не стоит хамить женщине, которая однажды может пришивать вам оторванные конечности.

***

Десять лет брака, успешная карьера, привычная жизнь — всё рухнуло, когда я узнала, что муж изменяет мне с лучшей подругой.

Чтобы забыть о предательстве, я уехала в военный госпиталь, где никому нет дела до моего разбитого сердца.

И, кажется, совершила непростительную ошибку.

Потому что встретила мужчину, которого мне хочется то придушить, то крепко обнять и не отпускать.

Но у войны свои правила. Сегодня мой грозный майор с позывным «Гризли» рядом, а завтра может и не вернуться.

И когда я наконец решаюсь поверить в любовь, прошлое возвращается, грозя разрушить всё, что стало мне дорого.

Теперь мне предстоит сделать выбор: довериться мужчине, которого люблю, или уйти, чтобы не разрушить его жизнь.

***

Книга участвует в литмобе "Реанимация любви"

Содержание

1.	5
2.	10
3.	15
4.	20
5.	27
6.	34
7.	40
8.	45
9.	50
10.	55
11.	60
12.	67
13.	72
14.	79
15.	86
16.	91
17.	97
18.	102
19.	106
20.	111
21.	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

1.

Диана

Заявление о расторжении брака…

Осталось только подписать. Неужели все так просто?

Телефон в руке нервно дергается в такт стуку колес. Вагон мерно покачивается, за мутным стеклом летит в черную пустоту чужая жизнь, а я пытаюсь перечеркнуть свою.

Как же удобно всё сейчас сделали. Не нужно никуда ходить, сидеть в очередях, тратить время.

Детей нет? Ну и всё. Вбиваешь номер свидетельства о браке, СНИЛС, платишь пошлину за свободу от предателя. Десять лет совместной жизни, все клятвы, планы и общие завтраки сводятся к сухому набору цифр, которые вот-вот будут стерты бездушной машиной.

Давай, Диана! Просто нажми кнопку.

Бросаю взгляд на девушку в начале вагона. Юная и свежая, с восторженным недоумением смотрит на пролетающий мимо сумеречный пейзаж.

На отдых, наверное, едет. Вся светится в предвкушении чуда!

Я ведь тоже была такой. Когда-то. Даже не верится. Смотрю на отражение попутчицы в стекле и чувствую тупой, ноющий укол зависти. У этой девочки вся жизнь впереди. Не то что у меня. Мне всего тридцать пять, но ощущение, будто все семьдесят.

Ни ребенка. Ни работы. Ни мужа. Выжженное поле.

Пора кончать с этим.

Палец зависает над кнопкой «Отправить».

Прощай, Ярослав! Я тебя никогда не прощу.

— И что такая красотка скучает у окна одна?

Дверь одного из купе с грохотом отъезжает в сторону, оттуда высовывается мужская рука и опускается на плечо девушки.

Та, взвизгивая, отшатывается. Тут же в коридор вываливается сам кавалер — грузный, тяжелый и неопрятный мужчина лет сорока. Опираясь сальной ладонью о стекло, склоняется над девчонкой.

Я даже морщусь, представляя, какое от него сейчас амбре из дешевого коньяка, нечищеных зубов и застарелого пота.

Возвращаюсь к своему заявлению, чтобы, наконец, покончить с этим. Но на экране уже крутится предательское колесико загрузки. Сеть пропала.

Видимо, упустила вышку связи, и теперь снова придется ждать, пока появится интернет.

Ладно, еще успею.

— Простите, я… я к себе, — лепечет девчонка, проползая спиной по стене.

Но мужик не отстает. Вагон качает, он хватается за поручень, чтобы не рухнуть, и идёт следом за ней.

— Куда ты побежала? — тянет вязко. — Может, к нам пройдем, в купе? Компания хорошая. Посидим, выпьем…

Я тяжело вздыхаю и опускаю телефон в карман худи. Ну вот.

А на меня никакого внимания. Меня даже алкаши в поездах не клеят. Видимо, я совсем неликвид.

Девушка, едва не плача, ныряет за спасительную дверь своего купе, а я решительно направляюсь к мужчине. Он уже тянет ладонь к её ручке, готовый вломиться следом.

Вежливо стучу пальцем по его плечу. Он оборачивается, фокусирует на мне мутный взгляд и тут же расплывается в довольной ухмылке. Еще одна добыча.

Что, не такая сочная, но тоже сойду?

Скрещиваю руки на груди и не мигая смотрю ему в лицо.

Ярослав часто говорил, что взгляд у меня иногда, как у Медузы Горгоны. И что вообще я слишком прямолинейная для женщины. Слишком жесткая.

Может быть, из-за этого у нас и не получилось?

Ничего, Ярик. Теперь у тебя есть мягкая и ласковая. Точнее, силиконовая...

— Чего ты хотел? — в моем голосе лязгает металл. — А ну повтори!

Делаю легкое, предупреждающее движение подбородком. Ухмылка медленно стекает с лица собеседника.

— Ни… Ничего… — он опасливо пятится. — Так, выпить…

— Ты бы притормозил с выпивкой, Дон Жуан, — чеканю каждое слово, надвигаясь на него. — Минералки лучше попей. Пока печень в трусы не осыпалась.

Мужик часто моргает. Лицо вытягивается, а рука сама со-

бой отпускает поручень.

— У тебя склеры желтые, без осмотра видно, — припечатываю я. — Еще тремор, одутловатость лица и выраженный землистый оттенок кожи. Абстинентный синдром переходит в хроническую стадию. Еще пара таких поездок с коньячком, и тебя ждет цирроз, портальная гипертензия и кровавая рвота, от которой ты захлебнешься раньше, чем к поезду подъедет скорая.

Он смотрит на меня с неподдельным ужасом.

— Простите, дамочка… — бормочет он, истерично дергает дверь своего купе и исчезает.

2.

Диана

В моём купе плотно пахнет заваренным черным чаем и жареным мясом. На нижней полке моя попутчица — грузная женщина лет шестидесяти — методично разворачивает фольгу на столике. Она непрерывно жует прямо с самого перрона.

— Курицу будешь? — соседка тычет в мою сторону поджаренной ножкой, щедро предлагая поделиться.

— Нет, спасибо, — качаю головой и сажусь на свою полку. — Не хочу.

— Ты врач, что ли? — спрашивает она, с аппетитом откусывая от предложенного мне куска. — Я слышала, как ты этого хамыгу уделала.

— Нет. В последнем выпуске передачи «Жить здорово» об этом было, — коротко выдыхаю.

— А-а… — она разочарованно утыкается в курицу, потеряв ко мне интерес. — Не смотрела ещё. Жаль, что ты не врач.

Конечно, жаль. Наверняка хотела в подробностях рассказать мне про холестерин или пожаловаться на загадочное покалывание в правом подреберье.

А я ей и не вру.

Врать я не умею. Я действительно больше не врач. Во вся-

ком случае, не тот врач, которым была еще вчера.

Я теперь не знаю, кто я такая.

— На отдых едешь? — продолжает соседка допрос, методично пережевывая мясо.

— Ага. На отдых.

— А чего одна?

— Да так…

Беру жесткую подушку, пахнущую хлоркой и прачечной, отворачиваюсь к стене. Всем своим видом показываю, что разговор окончен.

Монотонный стук вагонных колес тут же в моей голове превращается в ритмичный писк кардиомонитора.

Случайная попутчица точно подавилась бы куриной ножкой, если бы узнала, каким врачом я была.

Моя специализация всегда вызывает повышенный интерес. Я хирург. Но не вырезала воспаленные аппендициты. Не собирала по кускам жертв ДТП.

За свою карьеру я выкачала центнер чужого жира, перекроила десятки неидеальных носов и установила столько силиконовых имплантов, что ими можно было бы засыпать небольшой песчаный карьер.

Я делала людей красивыми. Я дарила им уверенность в себе и гордилась своей работой.

Еще неделю назад я была успешным пластическим хирургом. Теперь эта работа кажется мне бессмысленной и лживой.

Потому что стоит мне закрыть глаза, как под веками снова вспыхивает ослепительный свет бестеневой лампы. Синяя разметочная сетка на бледной коже. Я вспоминаю, как ласково гладила по голове лучшую подругу Зою перед наркозом. Как она дрожала от страха на каталке, хватала меня ледяными пальцами и отчаянно шептала: «Сделай мне красиво, Дин. Пожалуйста! Я только тебе доверяю».

И я сделала. Безупречный анатомический профиль, ювелирный, невидимый шов. Как для себя старалась.

Потом накатывает другое воспоминание. Липкий, парализующий холод, прошивший позвоночник, когда я без стука толкаю тяжелую дверь кабинета Ярослава.

Удушливый, сладковатый запах Зоиных духов. Сброшенный на пол мужской пиджак. Банальнейшая картина.

Пришла однажды жена на работу к мужу без предупреждения...

Как врач, я привыкла к физиологии. Меня не удивить голым телом. Но я никогда не думала, что процесс совокупления со стороны может выглядеть так нелепо и... животно. А уж когда на столе пыхтит любимый муж, а под ним извивается лучшая подруга, эта анатомия становится по-настоящему тошнотворной.

Но страшнее всего было то, за что в первую секунду намертво зацепился мой профессиональный взгляд. Распахнутая шелковая блузка Зои. И идеальная, обнаженная грудь – моя безупречная работа, которую Ярослав так увлеченно и

жадно сминал пальцами.

Мне до одури жаль потерянных лет. Жаль себя. Я ненавижу Ярослава, которого так преданно любила. Ненавижу свою профессию.

Потому что они предали меня оба.

До привкуса крови кусаю нижнюю губу, до боли в скулах вжимаюсь лицом в жесткую наволочку. Слезы всё-таки прорываются сквозь плотно сжатые веки, но я глушу всхлипы.

Не хочу, чтобы соседка по купе знала, что я плачу.

Диана

3.

Диана

Когда я положила на стол заявление об уходе, у главврача даже очки запотели.

Мила Юрьевна знала меня еще зеленым ординатором, всегда пророчила большое будущее и любила повторять, многозначительно тыча пальцем в потолок: «Назарова, когда-нибудь к тебе на подтяжку придут с самого верха».

Причем, с таким видом, словно ко мне пожалуют архангелы, не иначе.

— Все, Мила Юрьевна. — Я кивнула на еще теплый от принтера лист бумаги со своей залихватской подписью. — Я больше не могу.

Я торопилась. Боялась, что главврач будет уговаривать, а я, стесняясь ей отказать, малодушно соглашусь. Потому что свою работу я всё-таки любила.

А вот если бы Мила Юрьевна сразу сказала что-то пафосное, из серии «мы приносим людям счастье», я бы, наверное, сбежала. И даже слушать не стала. Пластические хирурги — не аисты, я это точно знаю!

Но наш разговор пошел совсем не по тем двум векторам, что я заранее просчитала.

— Чего ты не можешь, Назарова? — Мила Юрьевна хитро прищурилась.

— Грудь не могу делать. И носы тоже. Я скоро начну с людьми на улице здороваться и мысленно им скулы размечать.

Она сняла очки и устало потерла глаза.

— Зарплата не устраивает или клиентки пошли слишком капризные?

— Просто не могу, и все, — ответила я куда резче, чем планировала.

Как мне объяснить этой пожилой женщине настоящую причину? Как сказать, что меня физически тошнит от осознания своей бесполезности?

Годы учебы, бессонные ночи, сотни операций привели к тому, что я собственными руками вылепила идеальную игрушку для своего мужа.

А ведь звоночки были, просто я в упор не желала их замечать.

Ярослав всегда любил подшутить, что я сапожник без сапог. Делаю женщин обладателями завидных форм, а сама хожу с унылой единичкой. Ну ладно, двоечкой, если удается нормально питаться и спать.

Я отмахивалась, объясняя, что мои пациентки — это в основном рожавшие мамочки. Я не брала дур, переделывающих себя ради моды. Я возвращала женщинам их тела до беременности, а заодно и уверенность в себе.

А мне-то что восстанавливать?

Дети всегда были моим больным вопросом, потому что я

не могла их иметь. И лепить на свое пустое, бесплодное тело силиконовые шары казалось нелепым занятием. Всё равно что ставить спортивный обвес на старую «девятку». Только людей смешить.

— Назарова, — Мила Юрьевна раздраженно постучала ручкой по столу. — У тебя блестящая карьера, все хорошо складывается. Я очень надеюсь, что это не блажь!

— Я не буду больше заниматься пластикой, — просипела я, нервно колупая край стола.

Главврач тяжело вздохнула, встала и, подойдя ко мне вплотную, положила теплую маленькую ладонь на плечо.

— Думаешь, ты одна такая? Мы ведь мним себя творцами, Диана. Но по факту кроим плоть в угоду чужой прихоти. Рано или поздно любого хорошего хирурга от этого начинает тошнить. Случается выгорание, хочется приносить реальную пользу.

Я нервно сглотнула. Если бы проблема была только во врачебной философии…

Сцена, которую я застала, была однозначной, как скрин порносайта. Муж и моя подруга на столе. И его рука на моей... точнее, её груди.

Пару минут я стояла столбом и пялилась на это все, открывая рот, как выброшенная на берег рыба. Кроме груди, почему-то запомнился пиджак мужа на полу. Далеко, почти под диваном. Я еще удивилась, что Яр в порыве страсти умеет метать одежду.

И разозлилась, потому что чистить или отвозить в химчистку пиджак потом придется мне.

Потом Зоя обернулась и увидела меня. С её лица разом схлынули все краски, но пару секунд я еще наблюдала её круглые глаза, поверх плеча моего увлеченного процессом мужа.

Она что-то сказала, и Яр резко отпрыгнул от неё, зачем-то прикрывая руками причинное место. Чего я там не видела?

И тут же воскликнул:

— Диана, это не то, что ты думаешь!

Ну конечно! Что здесь ещё можно подумать?..

Сама не помню, откуда у меня в руке взялась книга. Или журнал. У входа стояла стойка с подборкой юридической литературы. У меня сорвало резьбу. Я хватала какие-то книги, и швыряла в них, пока Яр и Зоя пытались одеться. А ещё кричала.

А вот когда я замахнулась на Зою подарочным изданием конституции — хорошее издание, увесистое, сама дарила мужу — она, вдруг съежилась, и заверещала:

— Только не в живот, пожалуйста.

Но прикрыла руками почему-то голову.

Я глупо хихикнула и уронила книгу, уже подозревая, что последует дальше.

— Я беременна, Дин... — запищала она. — Прости, так получилось.

Зоя всхлипнула и, глядя на меня испуганными глазами,

добила окончательно:

— Дин… а я смогу кормить? С имплантами?

Я развернулась и взялась за ручку двери. Глядя на подругу невидящим взглядом, бросила через плечо:

— Сможешь. Если захочешь. Я хорошо сделала...

Хлопок дубовой двери до сих пор стоял в ушах, смешиваясь с голосом главврача.

— Диана? Ты меня вообще слушаешь? — Мила Юрьевна все еще успокаивающе поглаживала меня по плечу. — Однокурсник мой недавно писал. Он сейчас начмед в полевом госпитале. Говорит, врачей катастрофически не хватает, просил помочь. Я ему тогда ответила, что своих ювелирных птенчиков с золотыми ручками в его мясорубку не отдам. Но если вдруг ты хочешь сменить обстановку и приносить реальную пользу...

— Я согласна, — произнесла я твердо, прежде чем она успела закончить фразу.

Мясорубка — это именно то, что мне сейчас нужно. Подальше от ненастоящей хирургии, предательства и чужого счастья.

4.

Диана

На станции меня никто не встретил. Удивилась ли я? Нисколько!

Я давно усвоила железное правило: если жизнь решает пропустить тебя через желудочно-кишечный тракт проблем, то сделает это качественно.

Проглотит, протащит по пищеводу, искупает в кислоте разочарований и, в конце концов, выплюнет через задний проход прямо в неизвестность. И стоя там, изжеванная и дезориентированная, ты будешь искренне радоваться даже скудному солнышку.

Поэтому, когда спустя четыре часа трясок на случайных попутках я, растрепанная, покрытая пылью и с оттянутыми чемоданом руками, стою перед кабинетом начмеда местного госпиталя, я уже предвкушаю классическое развитие сюжета.

Сейчас окажется, что меня никто не ждет. Жить мне негде, зарплату выдают бинтами, а в качестве анестезии тут маковый отвар и кувалда.

Что там еще по списку положено, когда начинается черная полоса?

Стучу костяшками пальцев по облупленной двери и, услышав приглушенное «Войдите!», толкаю створку.

Невысокий, полноватый мужчина, поднявший взгляд от бумаг, обескураживает меня абсолютно искренним, почти детским восторгом. Он вскакивает из-за стола, расплывается в щербатой улыбке и бросается мне навстречу.

— Диана Александровна! Как я рад! Я думал, Мила пошутила, когда сказала, что вы приедете…

Яростно трясёт мою руку. Левую. Потому что в правой у меня чемодан.

Так вот он какой, подполковник медицинской службы Семен Маркович Розовский, одногруппник моей МилЮрьны. Мысленно даю ему прозвище «бодрый колобок».

— Ой, простите, — он спохватывается, забирает у меня чемодан и теперь с тем же энтузиазмом трясет мою правую руку своей левой.

Кручу головой, оценивая убитый кабинет. Древний письменный стол, заваленный кривыми стопками бумаг, и ни намека на компьютер.

Интересно, здесь есть WI-FI?

В нашей клинике интерьеры делались с размахом. Лепнина, позолота, бархатные диваны. Мы с коллегами шутили, что дизайнеры специально устроили помпезный цыганский ампир, чтобы на фоне «дорого-богато» новые силиконовые груди и вздернутые носики пациенток смотрелись изящно и аристократично.

Здесь же царит суровый медицинский минимализм. Впрочем, облупленные коридоры, по которым я сюда тащи-

лась, ничего другого и не обещали.

Семен Маркович прислоняет многострадальный «Louis Vuitton» к шаткому столу. Чемодан, даже покрытый пылью, выглядит в этом интерьере неестественно прекрасно. И абсолютно чужеродно.

— Расположились уже? — указав мне рукой на деревянный стул, плюхается на свое место и почти скрывается за бумагами и папками.

Моргаю.

«Расположились?»

— Ой, — начмед звонко хлопает себя по лысеющему лбу. — Вы же с вещами. Конечно, нет… Свое жилье еще не видели?

Снова моргаю.

«Жилье?»

— У нас здесь всё по-простому, Диана Александровна. Вы в столице, конечно, к другому привыкли. Но жилье я вам выбил экстра-класса. Отдельный домик. Две комнаты!

Домик? Со ставнями и покосившимся туалетом-скворечником во дворе? Но, честно говоря, сейчас я не слишком избирательна, и деревенский вайб меня вполне устроит.

— Ну, раз вы так горите желанием приступить к работе, что с вокзала сразу к нам, то я не против, — Семен Маркович радостно потирает пухлые ладошки. — Халатик вам сейчас найдем.

— Семен Маркович, простите, но я с дороги еле живая,

— мягко, но твердо осаживаю его энтузиазм. — Добиралась на перекладных. Можно я сегодня отдохну?

— На перекладных? — он зависает. — Вас не встретили?

— Как видите, — пожимаю плечами. — Но ничего страшного, я же здесь. Завтра с утра буду в вашем полном распоряжении.

Милый, добродушный Семен Маркович за секунду меняется в лице. Щербатая улыбка исчезает, он резким движением срывает трубку древнего стационарного телефона с дисковым набором. Очевидно, мобильная связь тут всё-таки роскошь.

— Авдеева к аппарату! Мать его за ногу! — рявкает начмед в трубку. — Да, срочно, я сказал!

Пока коммутатор соединяет, он нервно, по-военному барабанит пальцами по столу. Я с преувеличенным интересом рассматриваю выцветший плакат с правилами гигиены за спиной начмеда.

— Дима! — орет он в трубку. — Я кому сказал встретить хирурга на станции?! Какого хрена…

Начмед багровеет, вынужденный слушать ответный рев с того конца провода. Даже на расстоянии полуметра до меня долетает недовольный мужской баритон, в котором столько металла, что им можно танки обшивать.

— Девушка еле живая приехала! Сама! — пытается перекричать его Семен Маркович, но голос на том конце рявкает что-то короткое и злое.

Начмед открывает и закрывает рот, ловя воздух.

— Не прислуга, значит?! У тебя дел по горло?! — цедит он наконец голосом, полным змеиного яда. — Ладно, Авдеев. Запомнил. Придет зима, попросишь снега! Или пальцы пришить после осколочного. Хрен тебе будет, а не пальцы! Или палец вместо хрена, понял?

Он с силой швыряет тяжелую трубку на рычаг аппарата. Делает глубокий вдох и тут же поворачивается ко мне, натягивая прежнюю милую улыбку.

— Простите, Диана Александровна. Рабочие моменты. Нестыковочка с транспортом вышла.

— Ладно, бывает, — киваю я, мысленно ставя галочку напротив фамилии «Авдеев». Кажется, местный контингент не сильно жалует столичных врачей. — Я тогда в свой прекрасный двухкомнатный домик. В какую сторону идти? Далеко?

Тяну руку за чемоданом.

Семен Маркович сдувается, отводит глаза и поправляет стопку бумаг. Верный признак того, что сейчас мне выдадут очередную порцию потрясающих новостей.

— Ну как вам сказать, Диана Александровна… По меркам местных — рукой подать.

— А в километрах? — уточняю, чувствуя, как закипает раздражение.

— Километра четыре, — виновато вздыхает. — За речкой. Деревня Новоселовка. У нас тут, понимаете, всё жилье поблизости под склады или штабы занято. А там тихо, при-

рода… Утром мы за вами, конечно, «буханку» пришлем, но сейчас все водители в рейсе. Придется пешочком.

Я медленно перевожу взгляд на огромный, набитый вещами «Луи». Потом смотрю на окно, за которым уже сгущаются сизые сумерки, а по изрытому двору ветер гоняет пыль пополам с мелким, колючим дождем.

Четыре километра. Пешком. С чемоданом на колесиках по грязи.

Я же говорю, черная полоса — она такая. Пока жизнь не переварит, свет не наступит. Очевидно, прямо сейчас я застряла где-то в двенадцатиперстной кишке, и меня щедро поливает желчью жизненных неурядиц.

Скорбно вдыхаю и выдыхаю.

— Знаете, Семен Маркович, — перевожу полный печали взгляд на бодрого колобка. — Я передумала.

— В смысле? — он бледнеет, наверное, решив, что я сейчас развернусь и уеду обратно в Москву. — Диана Александровна, вы поймите, мы решим вопрос с транспортом…

— Давайте ваш халатик, — перебиваю.

Начмед осекается.

— Что?

— Халат, говорю, давайте. Я пока здесь останусь.

В конце концов, я хирург. Мои ноги могут гудеть, спина — отваливаться, но стоять у операционного стола мне привычнее и проще, чем месить грязь в темноте, проклиная мужа-изменщика и какого-то мифического хама Авдеева.

— Вы прямо сейчас хотите… к работе? С дороги? — Семен Маркович точно всё еще не верит своему счастью.

— Я хочу не думать, Семен Маркович. А лучший способ не думать для меня — это работать. — Встаю, стягиваю с себя тренч и вешаю его на спинку стула. — Показывайте, где у вас ординаторская. И молитесь, чтобы сегодня ночью вам привезли кого-нибудь очень тяжелого. Иначе я всю свою злость сорву на вас.

Начмед сглатывает, торопливо кивает и семенит к шкафу за чистым халатом.

Что ж, Диана Александровна. Добро пожаловать в ад. Ты ведь сама сюда просилась.

5.

— Ох, — жалобно стонет начмед. — Ну вот как меня угораздило! И я ведь не собирался туда лезть...

Он сидит, скорбно выставив перед собой пострадавший средний палец. А я, мелко дрожа от дорожной усталости и сдерживаемого раздражения, прикладываю к его ободранной костяшке ватку с перекисью водорода.

Начинаю скучать по пластике. Потому что из пациентов в этом госпитале на сегодня — только местная бабушка с обострением холецистита да парочка выздоравливающих бойцов, активно клеящих молодых медсестричек.

Мой единственный экстренный пациент — сам подполковник медицинской службы Семен Маркович, который умудрился прищемить себе палец крышкой подвала, когда лез туда инспектировать запасы тушенки.

— Ай! — он вдруг взвизгивает. — Щиплет же!

Я с трудом удерживаюсь от желания сломать ему этот палец.

Ну что за детский сад? Взрослый мужчина. Врач. Офицер! Даже мои самые капризные клиентки с Рублевки никогда себя так не вели, когда отходили от наркоза.

— Потерпите, Семен Маркович. Завтра как новенький будете, — убираю ватку, мажу края ссадины зеленкой и туго заматываю фалангу пластырем.

Машинально сую остаток мотка в карман выданного мне халата.

— Диана Александровна, пойдемте, покажу наши запасы, — в кабинет заглядывает старшая медсестра, дородная рыжая женщина лет сорока, и манит за собой.

Делаю мысленную пометку: нужно ее запомнить. Она сразу поняла, что меня пора спасать от страдающего начмеда. И еще одна деталь запомнилась... Когда Розовский орал на весь госпиталь, прищемив руку, она с бинтами к нему не побежала.

То ли знает, что он любит страдать, и не хотела попадаться на глаза. То ли специально дала мне возможность сблизиться с начальством.

Ушлая, в общем. Сработаемся.

Мы выходим в пустой, пропахший хлоркой коридор и заходим в процедурную.

— Вы спрашивали про медикаменты, — старшая медсестра распахивает передо мной дверцу потрепанного холодильника.

Ахаю. Анестезии вдоволь. Шкафчик просто ломится от упаковок с ампулами. Обезболивающее, релаксанты — всё уложено ровными рядами.

Ну, слава богу. Если Семен Маркович еще раз взвизгнет от перекиси, я с чистой совестью введу его в медикаментозную кому. Исключительно из сострадания, конечно.

— А зачем так много-то?

— На всякий случай, — старшая медсестра философски пожимает полными плечами. — Поставка приходит — я беру. Отказывать, что ли? У нас сегодня пусто, а завтра так густо станет, что не разгребем.

Мысль о том, что весь запас уйдет на палец Семена Марковича, прерывает резкий гудок с улицы. А следом, сквозь приоткрытое окно процедурной, доносится раздраженный мат:

— Эй, приемный! Забирайте!

Мы со старшей переглядываемся. Это то самое «густо»?

Выскакиваю из процедурной и быстрым шагом иду к дверям приемного покоя. Распахнув створки, вылетаю на крыльцо под мелкий, моросящий дождь.

У подножия бетонного пандуса недовольно гудит старая санитарная «буханка». Водитель высунулся из окна и кроет матом «УАЗ», мешающий ему подъехать ближе.

«УАЗ» припаркован так криво, что даже с детской коляской не протиснешься, не то что с каталкой. И, видимо, брошен на произвол судьбы. Дверь распахнута, двигатель заглушен, а в салоне – никого.

Откуда он здесь взялся? Пока я ампулы разглядывала, что ли?

Две медсестры, выкатившие каталку на пандус, растерянно топчутся на месте.

— Простите, доктор, мы тут не проедем, — виновато докладывает одна. — А там у парня осколочное голени. Жгут

наложили, но кровь всё равно идет.

— Понятно. У нас тут, видимо, образовалась вип-парковка для инвалидов умственного труда, — вздыхаю я, спускаясь по ступеням. — К черту каталку, тащите носилки.

Подхожу к «буханке». Внутри пахнет соляркой, сырой формой и железом. На полу лежит бледный, стиснувший зубы боец. Штанина разрезана, на бедре жгут, ниже — некрасивое кровавое месиво. Жить будет, но повозиться придется.

— Берем. Девочки, за ноги. Мы с водителем — за плечи. И взяли!

Мы вытаскиваем парня под дождь. Протискиваясь с носилками между скорой и брошенным внедорожником, я ожидаемо прикладываюсь бедром о фару этого проклятого «УАЗа». Больно, черт возьми.

Какой мудак решил, что пандус приемного покоя — отличное место, чтобы бросить свою колымагу?

— Давай, на каталку его, — командую, когда мы наконец втаскиваем бойца на крыльцо. Девочки перекладывают раненого и катят внутрь.

Я собираюсь идти за ними мыть руки, но задетое бедро ноет, а наглая морда брошенного «УАЗа» бесит неимоверно.

Сую руку в глубокий карман халата и нащупываю тот самый моток широкого хирургического пластыря, оставшийся от Семена Марковича.

Спускаюсь на две ступеньки. Рву зубами плотную белую ленту.

Раз. Два.

С мстительным удовольствием клею две длинные полосы прямо по центру лобового стекла. Крест-накрест. Пусть теперь отдирает!

Дмитрий Авдеев

6.

Диана

— «И доктор пришил ему новую ножку, и заинька прыгает снова…»

Аккуратно накладываю последний шов и бормочу себе под нос, просто чтобы отвлечься. Стоять у операционного стола с ушибленным бедром нелегко. Зато парень хромать не будет.

— А откуда он взял новую ножку, док? — пациент смотрит на меня с блаженной улыбкой.

Анестезиолог, стоящий в его изголовье, коротко хмыкает.

Я на секунду задумываюсь. И правда, откуда у доброго доктора Айболита запчасти для животных?

— У него были запасные зайцы?

Хрюканье анестезиолога переходит все границы. Бросаю на него быстрый взгляд из-под маски, и он отворачивается, чтобы скрыть очередной смешок.

— Соловьев, вы в телефоне лучше поиграйте, пока я работаю. Не отвлекайте, — затягиваю очередной узел. — Тоже мне, зайка-побегайка.

— А вы снимите маску, док. У вас глаза такие красивые, — не унимается пациент.

Мысленно проклинаю свою гуманность. Нужно было просить общий наркоз и вырубить его к чертовой матери.

Но грех не пользоваться запасами медсестры и профессионализмом местного смешливого анестезиолога. Сделали бойцу качественную спиналку.

Нижняя часть тела отключена, зато верхняя и особенно речевой аппарат работают без перебоев. Точно побочка от стресса и лекарств.

Мужской болтливый синдром, у женщин я такого не наблюдала.

— Всё, готов! — с облегчением подаю знак операционной сестре.

Она тут же подходит, накладывает стерильную повязку.

— Вы, Соловьев, в палате отдыхайте, а не болтайте. И больше ко мне не попадайте.

— В ваши ручки всегда готов… — чуть ли не напевает он, пока его отключают от мониторов.

— Соловьев, тебе доктор такую красоту нашила, — ворчит медсестра, помогая ему перелечь на каталку. — Красота получилась, шов аккуратный, ровненький... От счастья умрешь, когда заживет.

— А я и так почти ум-е-ер...

Безусловно, побочка!

Выхожу в предоперационный шлюз, где мы моем руки. С наслаждением стягиваю с лица влажную медицинскую маску и бросаю ее в урну. За час в компании болтливого бойца Соловьева не мелькнуло ни единой мысли о Зойке, Ярославе и их предательстве.

Работа — вот лучший анальгетик.

— Какая бессмертная зараза залепила мне лобовуху пластырем?!

От яростного рыка, кажется, мелко дребезжат стекла госпиталя. О, вот и наш слепой водитель пожаловал.

Ногой толкаю дверь шлюза и выхожу в коридор, на ходу стягивая окровавленные перчатки.

Тяжело впечатывая берцы в линолеум, на меня несется здоровенный мужик.

— Я, — спокойно заявляю, перекрывая ему дорогу, и сама удивляюсь своему ровному голосу. — И скажите спасибо, что не скальпелем по шинам. Чего разорались?

Он тормозит в полушаге от меня, едва не сбивает с ног воздушной волной от своей туши. Нависает, раздувая ноздри.

— Страх потеряла, кукла? — голос низкий, с хрипотцой. — Ты вообще кто такая?

— Сбавьте тон, командир. Не стоит хамить женщине, которая однажды может пришить вам оторванные конечности.

Желваки на его небритых скулах дергаются. Он еще немного подается вперед, и я физически ощущаю жар и тяжелый запах пороха, пыли и чего-то сильного... Острого, мужского.

— Женщине? — он хмыкает, и в этом звуке столько издевки, что хочется швырнуть ему в лицо перчатки, которые я все еще держу в руке. — Я здесь женщин не вижу. Вижу

столичную цацу, которая лезет не в свое дело. Еще раз тронешь мою машину — я тебе этот пластырь на рот наклею. Поняла?

Чуть склоняю голову набок, всматриваясь.

— Значит так, — чеканю, глядя ему в глаза. — Если не хочешь, чтобы на машине зеленкой был написан твой диагноз, топай отсюда.

Делаю шаг вперед, инстинктивно ожидая, что он отшатнется. Но этот Кинг Конг стоит намертво.

Задираю голову до хруста в шейных позвонках.

— Пропусти, — цыкаю я. — Мне в ординаторскую надо. А тебе — пластырь отдирать.

Он вдруг коротко усмехается. Отступает в сторону и рявкает в спину, когда я прохожу мимо:

— Долго ты здесь не протянешь, кукла.

— Не тебе решать, — бросаю через плечо, не сбавляя шаг.

Испортил мне всё настроение, гад!

Захожу в ординаторскую, падаю на продавленный диван. Ушибленная нога противно ноет. Взглядом натыкаюсь на сиротливо стоящий в углу чемодан Луи Виттон.

Господи, скорее бы мне дали машину. Где там мой двухкомнатный скворечник-люкс? Хочется просто рухнуть и уснуть.

Следом за мной в комнату вваливается пожилой дежурный хирург Максим Александрович. Мы уже успели бегло познакомиться. Он стягивает халат и тяжело опускается на

диван рядом.

— Хорошо, что вы остались в госпитале, Диана.

— Да?

А я вот в этом не уверена!

— Я бы сейчас один не справился...

— Угу.

Надо бы попросить ключи от пустой палаты у старшей сестры, чтобы перекантоваться до утра. Главное, чтобы не положили рядом с «зайкой-побегайкой», а то он меня заговорит до смерти.

— Пацан чуть без пальцев не остался, — тянет Максим Александрович.

— Да ну, — лениво отмахиваюсь. — У него пальцы не пострадали. Осколочное в голень. Я быстро зашила.

— Нет, — он трясет головой. — Я про мелкого пацана.

Зайка-побегайка тоже вроде не сильно крупный. Будь он как хам-амбал, мы бы не смогли его поднять.

— Авдеев пацанчика из местных доставил. — Вздыхает Максим Александрович. — Пистоны в костер кидали, идиоты малолетние. Повезло, что комбат рядом оказался и привез быстро. Прямо на руках в приемник притащил. Кровищи там было... Вы что, не слышали криков?

Нет. У меня в это время Семен Маркович из-за пальца страдал.

— Авдеев — это такой... — я обрисовываю руками в воздухе внушительный квадрат. — Здоровый, как шкаф? В так-

тической форме?

— Ага. Он самый.

Вот оно как, значит.

Кряхтя, поднимаюсь с дивана и, прихрамывая на ушибленную ногу, иду искать старшую медсестру.

Ну спас и спас. Раз такой здоровый, мог бы и подальше припарковаться, а ребенка на руках донести. Из-за его ржавого таза мы с носилками еле протиснулись.

Да, первое знакомство с местной фауной состоялось.

Кажется, мы с Авдеевым будем ненавидеть друг друга с большим, искренним удовольствием.

7.

Диана

Я не помню, как уснула. Кажется, просто моргнула, сидя на продавленном диване в ординаторской, а в следующую секунду меня уже безжалостно трясут за плечо.

— Диана Александровна... Доктор, вставайте.

С трудом разлепляю веки. Надо мной нависает старшая медсестра Раиса. В ординаторской — мутная серость раннего утра.

— Что случилось? — хриплю и перебираю затекшими ногами, пытаясь подняться. — Привезли кого-то?

— Нет, тьфу-тьфу, тихо, — Раиса машет рукой. — Там водитель с базы гуманитарку привез, сейчас пустой обратно едет. Я договорилась, он вас прямо до вашего домика подбросит. Повезло! А то пешком бы по грязи тащились.

Со стоном опускаю ноги на пол. Мышцы ноют. Настроение — убивать.

Злая и всклокоченная, как бездомная кошка, кое-как натягиваю тренч, хватаю уже люто ненавидимый «Луи» и тащусь к выходу.

Еще не успев вынырнуть в утреннюю прохладу, слышу голоса.

— Я сказал, свободен, — рявкает мужчина, в чьем неприятном тембре узнаю мерзкого хама Авдеева. — У тебя ма-

шина казенная, не хрен бензин жечь. Я сам ее закину.

— Товарищ майор, так мне же не сложно... — блеет водитель.

— Мне всё равно в ту сторону. Свободен, я сказал!

Вываливаюсь на крыльцо и успеваю увидеть, как удаляется щуплая мужская спина. Видимо альфа-самцовые разборки окончены безоговорочной капитуляцией водителя, который должен был меня везти.

Если бы не затекшие ноги, я бы, наверное, рванула за ним. Только бы не с этим квадратным мужланом ехать.

— Поехали! — заметив меня, Авдеев щелчком отправляет окурок в сторону и направляется к «УАЗу».

Представляю, как между его лопаток вонзается копье с наконечником, пропитанным ядом курары, и грустно топаю следом.

Кошусь на тяжёлый чемодан и аккуратно, стараясь не оторвать колесики, спускаю его по ступенькам. Сама.

Дотаскиваю «Луи», когда Авдеев уже прогревает двигатель.

— Назад запихни барахло, — цыкает.

Ясно, без сервиса обойдемся. Запихиваю чемодан на заднее сиденье, мысленно посылая на голову Авдеева всевозможные кары.

Слабым утешением служат две мутные липкие полосы от клея. Пластырь он всё-таки отодрал, но оттереть не успел.

Мелочь, а приятно!

Открываю пассажирскую дверь и тяжело падаю на жесткое кресло. Прикрываю глаза от усталости. В этот момент Авдеев чиркает зажигалкой, и по салону, пропахшему соляркой и металлом, ползет удушливый сизый дым.

— Не курите.

— С чего бы это?

— С того, что это вредно, и мне неприятно.

Он хмыкает, но крутит ручку стеклоподъемника и выбрасывает начатую сигарету.

Очень хочется добавить: «и не сорите», но я сдерживаюсь и выключаю режим учительницы. Завяжется ссора, а я не хочу.

Какое-то время мы едем молча, и я даже смею надеяться на то, что этот день начнется спокойно и мне удастся не замарать руки жертвенной кровью майора Авдеева. Пытаюсь расслабиться на подпрыгивающих кочках. Но, когда в очередной раз больно бьюсь виском о железную стойку двери, не выдерживаю.

— Можно поаккуратнее? — возмущенно хватаюсь за голову. — Не дрова везете!

— Не дрова, это точно...

Вроде ничего особенного, но что-то не нравится мне в его тоне. Звучит так... обидно и откровенно издевательски.

Медленно поворачиваю к нему голову. Он сидит, расслабленно откинувшись на спинку сиденья. На фоне окна хорошо читается жесткий, словно вырубленный из камня, про-

филь.

— Послушайте, Авдеев, да? — начинаю устало. — Я не понимаю, что я вам сделала, и понимать не хочу. Зачем вы меня ждали до рассвета? Чтобы по дороге настроение испортить?

Авдеев хмыкает. Взглядом напряженно изучает дорогу, а губы кривит в откровенно злой усмешке.

— Корону поправь, не жмет? — слегка повышает голос. — Я до утра сидел, чтобы убедиться, что пацан местный руки не лишится. И дождался, пока он в себя придет. Уж точно не ради того, чтобы для столичной фифы таксистом работать.

А вот это уже точно обидно.

— Я не фифа, я – врач!

Он головой делает выразительный жест в сторону «Луи», одиноко трясущегося сзади.

— Ага, конечно. Сидела бы ты, дамочка, в столице и не совалась сюда...

— Не могли бы вы заткнуться и молча крутить руль?! — мой голос взлетает на октаву выше. — Вы меня сами вызвались везти!

Издаёт глухой смешок.

— Какие мы нервные, — тянет он с издевкой. — Не привыкла к такому обращению? Там, откуда ты сбежала, мужики перед тобой на задних лапках прыгали?

Меня прошибает холодным потом ярости. Вот же гад! Хо-

чет поиграть? Ладно.

— Чего это тебя так волнует, прыгали передо мной мужики или нет? Конкуренции боишься? Сам, наверное, из этих... — делаю презрительное движение подбородком.

— Заткнись, пока я добрый...

— Если ты женщин так ненавидишь, то кого любишь тогда? — меня уже несет. — Солдатиков своих?

УАЗ резко виляет. Авдеев со всей дури бьет по тормозам, и я чудом не влетаю лбом в стекло, заляпанное моим же лейкопластырем. Успеваю руками упереться в пыльный пластик панели.

Машина замирает посреди проселочной дороги. Обхватываю рукой левое запястье. Больно, чёрт!

— Ты идиот? Так и покалечиться недолго!

Молчит. Только рука, лежащая на коробке передач, мелко подрагивает. Квадратная челюсть сердито выпячена вперед. Желваки ходят ходуном.

О! Кто-то сильно рассердился!

Кажется, сейчас меня будут убивать.

8.

Дмитрий

— Ты идиот? Так и покалечиться недолго!

Сижу, вцепившись в руль и уставившись в одну точку на горизонте. Мне кажется, если я шевельнусь, то меня просто порвет.

Я же вижу её насквозь! Зажравшаяся москвичка, которой стало скучно пить смузи на Патриках, и она приехала сюда «пощекотать нервы». Поиграет в мать Терезу, наделает фоточек и вернется рассказывать, как героически нюхала порох.

И поддевки у неё такие же. Она даже не понимает, что сейчас ляпнула. Для нее это просто привычная шпилька. А для меня мои «солдатики» — это люди, за которых я головой отвечаю. Те, кто сейчас в окопе сухпай делит и спит в грязи. И слушать про них эти пошлые шуточки я не собираюсь.

— Эй, Авдеев, — она машет ладонью перед моим лицом и желчно добавляет: — Я еще ночью поняла, что ты водить не умеешь...

— Если тебе не нравится, как я езжу, ходи пешком, — произношу медленно, почти шёпотом, и поворачиваюсь к ней.

Да, я сейчас груб и жесток. Но мне физически необходимо выплеснуть накопившуюся за сутки злость. И почему-то

рядом с этой врачихой она становится ярче и глубже.

Умеет она выбесить!

— Что? — округляет глаза.

— Дверь, говорю, рядом. Чемодан твой, — киваю на коричневого урода, гордо лежащего на заднем сиденье, — там отдыхает. Вперед!

Она вспыхивает и обиженно закусывает нижнюю губу.

Бесконечно длинную секунду мне кажется, что сейчас вцепится когтями мне в лицо. Но нет. Отворачивается и хлопает ладонями по двери: ищет ручку.

Ухмыляюсь. Что, в столице на таких брутальных тачках не ездила?

— Так и знала, что ты не мужик совсем. — В отчаянии барабанит ладонью по пластику. — Открой эту чертову дверь!

— Не мужик? — расплываюсь в откровенно издевательской усмешке. — Обоснуй!

Она отшатывается от двери, которую так и не смогла открыть. Поворачивает ко мне раскрасневшееся лицо. В глазах, под которым залегли тени от усталости, горит ярость. Подаётся вперед, и дистанция между нами в тесном УАЗе сокращается до минимума.

— Без проблем, Авдеев! — выплевывает зло. — Тебя просили меня встретить, ты не стал этого делать...

— Допустим, — ухмыляюсь шире.

И нет мне резона объяснять, что машина была нужна позарез. Что пока она тряслась в попутке, я вез в УАЗе пол-

тонны тушенки и сухпайков для пацанов на передок, потому что там жрать было нечего. Что важнее: пятьдесят голодных мужиков в окопах или одна свалившаяся как снег на голову дамочка? Ответ очевиден.

— Ты даже не отрицаешь, видишь! — Она тычет в меня пальцем. – Пыжишься тут, форму нацепил. Думаешь, если у тебя голос громкий и кулаки пудовые, то ты мужик? Настоящий мужчина не доказывает свою крутизну тем, что бросает женщину на вокзале с вещами. Не перекрывает пандус для скорой. И уж точно не истерит за рулем из-за шутки по поводу его ориентации.

— Помолчи... — угрюмо блокирую двери.

А то ведь и правда выскочит на дорогу. С нее станется.

— А то что? – взвивается снова. — Кстати, тебе бы в душ сходить. К солдатикам своим приедешь некрасивым и плохо пахнущим.

Да, от меня действительно несет. Я уже больше суток на ногах. И, естественно, не мылся.

— Так пахнет мужчина, — наклоняюсь ещё ближе, чувствуя, как внутри натягивается струна. — Так пахнет живой мужик.

Она не моргает. Не отводит взгляд.

— Я знаю, как пахнут мужчины, — тихо и отчетливо чеканит она. — Разное повидала. И знаешь, что я тебе скажу? Настоящий мужик пахнет уверенностью. А от тебя несет дешевым табаком, потом и страхом, что какая-то баба из Моск-

вы окажется с яйцами покруче, чем у тебя.

Щурит невероятные, злющие глаза. И в этот момент по моему телу, и так переполненному адреналином, прокатывается дикая волна жара. Она бьет в солнечное сплетение и резко уходит вниз по животу, под армейский ремень.

Мать твою.

Нервное напряжение и измотанность вдруг превращаются в возбуждение. Дикое. Первобытное. Наверное, я просто хочу ее наказать. Жестко наказать.

Пока я осознаю этот внезапный стояк, врачиха хмыкает, совершенно не подозревая, что я сейчас переживаю.

— Но мужиков я здесь не вижу, — произносит снисходительно и брезгливо откидывается назад.

Что меня больше всего бесит? Её наглость? Её упрямство? Или её глупая наивность? Она ведь верит, что может творить всё, что захочет.

Реально достала!

Моя тяжелая ладонь ложится на ее затылок, пальцы жестко зарываются в растрепанные волосы, намертво фиксируя голову. Она даже пискнуть не успевает, когда я дергаю ее на себя.

Впечатываюсь в ее губы. Жестко, грубо, сминая и подавляя. Это не поцелуй. Я хочу заткнуть этот источающий яд рот, сломать её сопротивление и показать, кто здесь на самом деле хищник, а кто — болтливая столичная дура.

От неожиданности она замирает на мгновение, и я успе-

ваю почувствовать, что губы у нее горячие и сухие. А уже через секунду отшатываюсь от обжигающей скулу пощечины.

— Урод!

Грудь тяжело вздымается, ладонь, которой она меня треснула, прижата к губам. Потираю ушибленную скулу и сглатываю вставший поперек горла рык. Твою мать.

— Может, теперь угомонишься? — хриплю, переключая передачу. — Поехали уже.

Не сводя с меня возмущенного взгляда, всё-таки нащупывает кнопку блокировки. Практически вываливается из машины.

— Не глупи, — ору. — Зато теперь молча будешь ехать!

Не отвечает. Пыхтя, стаскивает с заднего сиденья ублюдский коричневый чемодан.

— Здесь еще около километра тащиться. Садись!

Она, не оборачиваясь, показывает мне фак и бодро топает по обочине. Коричневый урод на колесах жалобно подскакивает на кочках.

Достаю зажигалку и чиркаю. С наслаждением прикуриваю сигарету. На губах ощущается её привкус. Плавая в клубах дыма, смотрю через заляпанное лобовое стекло, как уверенно эта ненормальная шлепает по грязи.

А ведь может и приживется. Кто её знает.

9.

Диана

— Шовинист, скотина... — останавливаюсь, вытираю пот со лба рукавом тренча и, с остервенением дергая ручку чемодана, продолжаю. — Козел!

Колесики чемодана жалобно скрипят, перескакивая через очередную колдобину. Взглядом ищу синие ворота, дом тридцать, как сказал Семен Маркович. Вот только здесь каждый второй дом с синими воротами, а таблички с номерами, видимо, съели местные собаки.

Я послала столько проклятий на голову майора Авдеева, что над ним уже должна кружиться чёрный смерч с каркающими воронами. Искренне жалею, что у меня нет длинных ногтей-стилетов. Да, оперировать с ними было бы невозможно. Зато я могла бы впиться ему прямо в наглые глаза или расцарапать лицо до сухожилий!

Как он вообще посмел?

— Да что он о себе возомнил, извращенец долбанный?! — рычу под нос, пиная подвернувшийся камень.

Вообще, мне не нужно шарить по карманам в поисках язвительного словца, и поэтому я вдвойне злюсь на себя за то, что растерялась и вышла из машины.

Кому я хуже сделала? В итоге именно я тащусь, глотая пыль, и запоздало придумываю эпитеты для наглого майора.

Сквозь пелену ярости не сразу слышу, что меня кто-то окликает.

— Диана Александровна!

— А?

От усталости в глазах уже мелькают тёмные пятна. От калитки с очередными синими воротами ко мне торопливо идет полная, приятная женщина лет пятидесяти в вязаной шали поверх цветастого платья.

Останавливаюсь, тяжело дыша.

— Докторша новая! — женщина всплескивает руками, оглядывая меня, всклокоченную и злую. — А я уж все глаза проглядела! Семен Маркович еще час назад звонил, сказал, что вас отправил. Чего ж пешком-то?

— Вы, простите, кто? — хриплю, чувствуя, как мелко дергается левый глаз.

— Так хозяйка я! Антонина Васильевна. Сдаю Семену Марковичу комнату для врачей, почитай, уже второй год. Проходи, проходи, милая! Я уж и картошечки нажарила.

Твою же мать, Семен Маркович. «Отдельный домик, экстра-класс». А по факту – коммуналка с местной хозяйкой. Никакого уединения, чтобы впасть в кому.

Но при слове «картошечка» мой желудок громко урчит. Сил возмущаться нет. Я молча киваю и плетусь вместе с многострадальным чемоданом за Антониной Васильевной.

В доме пахнет сухими травами и жареным луком. Моя комната оказывается небольшой, но уютной: добротная кро-

вать с толстым матрасом, пузатый комод, пестрый коврик на полу. Чистенько. Как у бабушки в деревне.

— Вода в рукомойнике теплая. Умывайся иди. И за стол, — по-матерински командует хозяйка.

Стягиваю грязные ботинки, скидываю плащ и иду умываться. Теплая вода смывает с лица пыль и усталость. Только она не в силах смыть мою ярость. Остервенело тру губы жестким полотенцем, пытаясь отмыть наглый, обжигающий поцелуй Авдеева. Не получается. Губы всё еще горят.

Возвращаюсь на кухню. На столе уже дымится чугунная сковородка с картошкой и шкварками, рядом – миска соленых огурцов. Падаю на табуретку и начинаю есть так, словно меня не кормили неделю.

Горячая картошка падает в желудок, и по телу мгновенно разливается приятная слабость. Злость понемногу отступает.

— Вкусно как, — бормочу с набитым ртом. — Спасибо.

— Кушай, кушай, Дианочка Александровна, это своя. С огорода. У вас в Москве такую не продают, — вздыхает Антонина Васильевна, усаживаясь напротив и подпирая щеку рукой. Лицо у нее доброе, с лучиками морщин у глаз. — Это ж кто тебя бросил-то так далеко идти? Шофер госпитальный?

— Хуже. Майор Авдеев, — цежу, накалывая на вилку огурец.

Хозяйка бросает на меня быстрый, понимающий взгляд и

недовольно цокает.

— Димка, что ли? Мужик он, конечно, правильный, бойцы за него горой стоят. Но характер тот ещё. Семён Маркович тоже жалуется вечно....

— Я заметила, что он хамло. — Разглядываю картошку. Интересно, в меня еще влезет или нет?

— Да он не хам, он просто... каменный какой-то, — Антонина Васильевна понижает голос, подаваясь вперед. — Как приехал сюда, так всё, никого, окромя своих солдат, не видит. Местные девки поначалу на него заглядывались: мужик-то видный, крепкий. А он на них зыркнет волчьим взглядом, и мимо пройдет. Баб для него вообще словно не существует.

Медленно отправляю огурец в рот и ухмыляюсь. То-то он взбесился, когда я сказала, что он по солдатикам. И полез доказывать обратное самым примитивным, животным способом. Тупой, неотесанный мужлан с манией величия, который компенсирует свои комплексы агрессией.

Да они с Ярославом, моим бывшим мужем, два сапога пара. Один самоутверждается, трахая подругу жены на столе, а второй – силой затыкая рот тем, кто посмел ему перечить.

— А как там Семен Маркович поживает? — вдруг спрашивает Антонина Васильевна, одергивая кофту и как-то подозрительно розовея щеками. — Не болеет? Он за здоровьем совсем не следит...

Я чуть не давлюсь картошкой. Бодрый колобок Семен

Маркович?

Ого. А тут у нас, кажется, намечается местная романтика.

— Палец сегодня прищемил, — честно докладываю я. — Страдал на весь госпиталь. Еле спасли.

— Ох ты ж батюшки! Палец! — она охает, искренне распереживавшись. Будто Семен Маркович лихорадку эбола подхватил, не меньше.

Прячу улыбку за кружкой с чаем.

— Спасибо, что покормили. Я пойду спать. С ног валюсь.

— Иди, Дианочка Александровна, иди.

Захожу в свою комнату и плотно прикрываю дверь. Сил хватает только на то, чтобы стянуть одежду и рухнуть на скрипящую кровать.

Закрываю глаза и вдруг осознаю одну странную вещь: впервые за последние дни я засыпаю, и перед глазами у меня не лицо Ярослава. И не Зойка.

Перед глазами у меня наглая, небритая физиономия майора Авдеева и его стальные глаза.

Даже не знаю, какой из моих кошмаров хуже.

10.

Дмитрий

Бросаю последний взгляд на врачиху, волочащую чемодан по дороге. Споткнувшись, она зло отбрасывает назад растрепавшиеся волосы и демонстративно, не оборачиваясь, поддергивает его и тащится дальше.

Ухмыляюсь, представляя, какие ругательства сейчас вылетают из её столичного рта. Ублюдский чемодан такого явно никогда не слышал.

Жопой виляет, будто на подиуме. Или специально исполняет? Знает, что я на нее смотрю.

Хорош пялиться, Авдеев!

Не ты её высадил. Сама вышла! Хочет шлепать пёхом — на здоровье. Кто я такой, чтобы ей мешать. Следом уж точно не побегу.

Разворачиваю УАЗ, поднимая колесами облако пыли. Выуживаю из мятой пачки очередную сигарету и щелкаю зажигалкой.

Черт, искрит, но ни хрена не прикуривает. Отвлекшись, делаю резкий крюк, колесо падает в яму, ощутимо встряхивая машину.

Еще не хватало в кювет уйти на радость этой дуре!

Матерюсь сквозь зубы, провожу по колесику зажигалки снова и всё-таки высекаю огонь. Горький дым от дешевого

табака дерет горло, посылая первый за сегодня сигнал расслабления в перегруженный мозг.

Мышцы спины немного обмякают. Чего нельзя сказать о диком стояке, который настойчиво пытается прорвать плотную ткань штанов.

Твою мать. У нее духи с феромонами, что ли? Или я реально настолько одичал?

Сплюнув в открытое окно, крепко сжимаю руль. Перед глазами до сих пор стоит ее перекошенное от ярости лицо. Губы, мягкие и злые. Пощечина все еще горит на щеке.

Врачиха – стерва, это сразу видно. Чего только стоят эти сверкающие кошачьи глаза и улыбочка хищницы. Чуть зазеваешься, глядя на ее белые зубки, — оттяпает башку на хер и даже не подавится.

Спокойно, Авдеев. Забыли.

Гоню машину к окраине, где развернута база снабжения. Едва глушу мотор, как меня накрывает привычным шумом: гудят дизеля, матерятся грузчики, лязгают борта «Камазов». Идеальная музыка, чтобы выбить из головы столичную врачиху.

Выпрыгиваю из кабины и вразвалочку направляюсь к обшарпанному вагончику. Дельце у меня есть несделанное. Как раз под моё настроение.

Дверь на вагончике прапорщика Сидорова слетает с защёлки от удара ноги.

Сидоров сидит за столом и жует. Жирная шея в три склад-

ки, под мышками на форме мокрые круги. На заваленном бумагами столе — раскрытая жестянка с тушёнкой. Поддевает куски ножом, отправляет в рот.

Видит меня — давится и кашляет. Кусок тушёнки летит на накладные.

— Здра… здравия желаю, товарищ майор, — торопливо проглатывает, утирает губы тыльной стороной ладони. — Ча…

— Соляра где, Сидоров?

— Так, дык…

— Соляра! Где! На третий батальон!

Маленькие глазки прапорщика бегают по углам.

— К утру цистерна будет. Дорога разбита, «Урал» в кювет под Кременным ушёл, водила…

— К утру?

— Так точно.

Я наклоняюсь. Упираюсь костяшками пальцев в стол. Запах тушенки бьет в нос.

— А до утра мои пацаны на чём ездить будут?

— Товарищ майор, я ж не…

— Я вчера видел, как у тебя две бочки на север ушли. На север, Сидоров. Не на передок. Ты мне сейчас опять про «штаб приказал» петь будешь?

Он молчит. Шея идёт красными пятнами. Беру его за грудки. Не сильно, так, чтобы понял. Отрываю от стула. К амбре тушенки примешивается кислый пот и что-то ещё.

Старый одеколон. «Тройной», что ли. На секунду меня перекашивает от отвращения.

— Слушай сюда, тыловая крыса. Через час у меня под машинами будет соляра. Иначе я тебя к бамперу привяжу и на передок отправлю. Посмотришь, как твои бочки потом по дороге распределяются. Понял?

— Найдём! Из резерва сольём! — сипит он, выпучив глаза. — Там цистерна на складе, я щас…

— Время пошло, Сидоров.

Отпускаю. Он плюхается обратно, жалобно скрипнув стулом. Разворачиваюсь и выхожу.

От хлопка двери вагончик сотрясается.

На улице легче. Адреналин от стычки немного остужает кровь, сбрасывая липкое напряжение, которое я привез с проселочной дороги.

Достаю телефон. Палец сам листает контакты до «Розовский, госпиталь». Нужно позвонить, узнать, что там с мальцом, которого я вчера приволок без сознания. Если ему руку не спасли...

Палец зависает над зеленой кнопкой.

Интересно, как эта стерва справляется с реальностью? Она без кофе-автомата, наверное, жить не сможет. Или без смузи-хренузи.

При воспоминании о том, как врачиха, перебирая тонкими ножками, тащила по дороге чемодан, опять чувствую, как подкатывают нервозное раздражение и злость. А еще воз-

буждение.

Да блин... Что я, как пацан-то?!

Закрываю контакт начмеда и нахожу телефон медсестры Раечки.

— Привет, — цежу. — Я заеду к тебе сегодня вечером. Лады?

— Ой, Дима... — ее голос течёт сладким сиропом. — Да. Только я на работе сегодня. Заберешь меня?

— Попробую, но не обещаю.

Сбрасываю звонок. Нужно вечер себе освободить сегодня, в госпиталь сгонять. Мальца чисто проверить.

Ну и Райку заберу. У неё все просто и по-человечески. Накормит, напоит и даст. Без лекций, без претензий о том, какой я не мужчина. И как дикая кошка она на меня не смотрит. То что надо, чтобы окончательно выкинуть из головы наглую врачиху.

Тащусь к боксам, где мои водилы матерятся над пустыми «Уралами». Достаю новую сигарету. Прикуриваю — на этот раз с первого щелчка.

11.

Диана

Первые рабочие будни в военном госпитале оказываются спокойными. Мне, выспавшейся и отдохнувшей, это кажется почти издевательством. Никаких тебе бьющих кровью артерий, никаких героических спасений под вой сирен.

Начмед Семен Маркович, как и обещал, прислал за мной машину прямо к синим воротам Антонины Васильевны. Выходя утром на пыльную дорогу, я морально готовилась увидеть за рулем наглую, небритую физиономию майора Авдеева и даже прокрутила в голове пару едких фраз для приветствия.

Но за рулем старенького УАЗа оказывается пожилой водитель. Я даже не понимаю, выдохнуть мне с облегчением или расстроиться — запал-то был боевой!

Как только оказываюсь на месте, сразу иду к своему первому пациенту.

— Ну что, Соловьев, как наша ножка?

— Вашими молитвами, доктор, — «зайка-побегайка» расплывается в улыбке.

Он лежит, закинув руки за голову, и смотрит так, словно я пришла стриптиз танцевать.

Аккуратно снимаю повязку.

— Заживает хорошо...

— Как на собаке! — радостно подтверждает он. — Скоро на танец вас приглашу. Пойдете?

— Конечно. Арам Хачатурян, «Танец со скальпелем» — мой любимый. Но вам вряд ли понравится, — обернувшись через плечо, коротко киваю медсестре.

Она подходит, чтобы обработать края антисептиком. Соловьев на секунду подвисает, переваривая шутку, затем издает вежливый смешок, который тут же переходит в страдальческое шипение: антисептик попадает на свежий шов.

— Курс антибиотиков закончите, и выпишем, — невозмутимо продолжаю.

— А может, вы меня у себя оставите? — Соловьев стискивает зубы, пережидая жжение, но упрямо гнет свою линию. — Могу по хозяйству помогать. Мусор выносить, например. Я, между прочим, холостой и с жилплощадью в Воронеже.

Медсестра прыскает, приклеивая ему новый пластырь.

— Соловьев, мусор я и сама отлично выношу… — Встаю, давая понять, что аудиенция окончена.

Оставив озадаченного воронежского жениха переваривать отказ, иду во вторую палату. Там лежит местный пацан. Мальчишка бледный, худой, смотрит исподлобья, как затравленный зверек. Рука до самого локтя зафиксирована в лонгете и крепко перебинтована.

— Привет. Как рука? Сильно болит? — спрашиваю мягко.

Он кивает, закусив губу.

— Кончики пальцев чувствуешь?

Он снова кивает.

— Молодец. Максим Александрович, который тебя оперировал, сказал, что ты в рубашке родился. Еще чуть-чуть, и без пальцев остался бы.

Мальчишка отводит взгляд.

Перед глазами вдруг всплывает картинка: брошенный с распахнутыми дверями «УАЗ», и Авдеев, весь в грязи и чужой крови, тащит этого пацана на руках. Бегом, как чувствовал, что каждая секунда на счету.

Глядя на пацана, понимаю: майор не зря торопился. Счет реально шел на минуты.

Не успеваю выйти в коридор, как в кармане халата вибрирует телефон. На экране высвечивается: «Ярослав».

Меня аж передергивает.

Выхожу на крыльцо приемного покоя, подальше от чужих ушей.

— Что тебе нужно? — рявкаю в трубку вместо «алло».

— Диана... Слава богу, дозвонился, — голос бывшего мужа звучит жалобно. — Ты где вообще? В клинике говорят, ты уволилась. Дин, ну хватит дурить, возвращайся. Мы же взрослые люди, давай поговорим нормально.

— Мне не о чем с тобой говорить. Я подала на развод.

— Какой развод, Диана?! — Ярослав мнется. — Дин, ну мы с Зойкой просто напились... Это вообще ничего не значило! Ты же знаешь, я без тебя не могу...

Прикрываю глаза, чувствуя, как внутри булькает чёрная

ярость.

— Конечно, не можешь... — цежу. — Ты даже любовницу не мог найти без моей помощи. Пришлось пользоваться тем, что я слепила своими руками.

— Диана, послушай...

— Не звони мне больше!

Да, мусор из своей жизни я выношу сама! Сбрасываю вызов и блокирую номер. Пальцы предательски дрожат. Хочется взять скальпель и вскрыть что-нибудь неодушевленное. Или одушевленное, но желательно мужского пола.

Возвращаюсь в коридор и пытаюсь дышать ровно.

Навстречу мне, звонко шлепая сабо по линолеуму, несется старшая медсестра. Полная грудь подпрыгивает, рыжие волосы напоминают нимб. Весь ее довольный, суетливый вид настолько не гармонирует с тем, что у меня сейчас клокочет в душе, что я хочу просто проскользнуть мимо, чтобы не сорваться.

— Диана Александровна! — Раиса, запыхавшись, хватает меня за локоть. — Скидываться будете?

— На что? На киллера? — мрачно интересуюсь. — Если да, то я в доле.

— Тьфу на вас, скажете тоже, — отмахивается. — У Семена Марковича юбилей! Пятьдесят пять лет. Мы ему сюрприз в сестринской готовим. Скидываемся кто сколько может, тут в конвертик положите. И давайте, через десять минут ждем вас там. Только тихо!

Я вздыхаю, достаю из кармана несколько купюр и сую их в протянутый конверт. Юбилей начмеда. Замечательно. Только корпоративов с хороводами мне сейчас не хватает.

Через десять минут я открываю дверь сестринской.

Два сдвинутых вместе стола накрыты так, словно мы провожаем кого-то на пенсию. На газетах красуются банки с тушенкой, нарезанное сало, толстые круги копченой колбасы и — вершина кулинарного искусства — трехлитровый бидон с чем-то подозрительным, воняющим едко, но сладко.

— Спирт с вишневым компотом, — шепчет мне на ухо молоденькая медсестра Маша. — Главное, больше двух стаканов не пить, а то ноги отказывают.

— Учту, — киваю.

В комнату набилось человек пятнадцать. Врачи, медсестры, пара водителей. Все перешептываются и хихикают. Раиса командует парадом, поправляя декольте каждые две минуты.

Дверь приоткрывается, и в щель просовывается голова дежурного санитара:

— Идет! Злой как собака.

Дверь распахивается настежь. На пороге появляется Семен Маркович — красный, потный, с забинтованным пальцем и папкой под мышкой.

— Рая, где списки на эвакуацию?!

— Сюрприз! — орет толпа.

Начмед вздрагивает и растерянно хлопает глазами, глядя

на накрытый стол. Губы расплываются в счастливой улыбке.

Начинается суета. Поздравления, объятия. Ему торжественно вручают конверт. А я, дождавшись своей очереди, подхожу и протягиваю стеклянную баночку.

— А это вам лично от Антонины Васильевны, — шепчу, улыбаясь. — Целебная мазь для вашего пальца.

Семен Маркович густо краснеет, пряча баночку в карман.

Раиса тем временем ловко разливает «компот» по пластиковым стаканчикам.

— Ну, Семен Маркович, за ваше здоровье! И чтобы у нас всегда всё было, а нам за это ничего не было! — торжественно произносит она.

Все чокаются, я делаю маленький глоток. Спирт обжигает горло, но после звонка Ярослава это именно то, что нужно. Расслабляюсь, прислонившись спиной к стене, и начинаю думать, что день не так уж и плох.

В самый разгар скромного веселья, дверь сестринской снова распахивается.

Смех обрывается разом. На пороге стоит майор Авдеев. Чисто выбрит, в свежей тактической форме, которая сидит на нем так, словно шилась на заказ. Только развевающегося за спиной плаща и героической музыки не хватает.

Его тяжелый, немигающий взгляд скользит по лицам собравшихся и останавливается на мне. Слегка щурится. Не отводит глаз.

Внутри вспыхивает глухое раздражение, смешанное с

азартом.

Медленно отлепляюсь от стены и распрямляю плечи. Поднимаю пластиковый стаканчик со спиртом, салютуя ему.

— Штрафную товарищу майору, — улыбаюсь. — За опоздание.

12.

Диана

— Да, точно! — кто-то из врачей пытается весело разрядить обстановку. — Давайте, товарищ майор, за нашего начмеда!

— Гризли пить не будет, — горячо шепчет на ухо чуть захмелевшая и оттого немного обнаглевшая медсестра Маша. — Вот прямо поспорить могу на тысячу...

— Кто? — чуть наклоняюсь к ней, решив, что ослышалась.

— Гризли. Майор наш. — Она смущенно ведет худеньким плечиком и косится на Авдеева.

Его уже обступили со всех сторон, протягивая стаканчики с компотом.

— А с чего это он Гризли?

— Да позывной у него такой.

— Как-то непатриотично, — усмехаюсь, делая еще один глоток спирта. — Странный выбор.

— Ну так и не обычный медведь он, согласитесь...

Тут Маша права. Авдеев точно не медведь. Медведь – это ведь мишка-косолапый. Что-то из детства, родное, почти милое. Теплый и плюшевый образ из сказок.

А гризли — вроде тот же зверь, но здоровый, чужой, непонятный. И очень-очень свирепый.

Прямо в точку.

— А почему пить-то не будет? — уточняю тихо.

— Так он за Раечкой, наверное, приехал. За рулем же, — объясняет Маша, словно непонятливой девочке.

Веду бровью. За старшей медсестрой?

Мельком бросаю взгляд на Раису. Она наклонилась к Авдееву, игриво опершись руками о край стола, и ее глубокое декольте служит главным украшением комнаты. Не считая, конечно, бумажной гирлянды «С днем рождения», криво натянутой между распахнутыми оконными рамами.

Н-да... Вот почему товарищ майор такой нарядный сегодня!

— У меня через четыре часа пересменка, — коротко и глухо отрезает Авдеев, останавливая все уговоры. — Еще две колонны по темноте проводить.

Внутри вдруг становится на удивление легко. Будто бетонная плита, давившая на плечи, сдвинулась.

Ну вот, у него дела. Из-за боевой задачи ему пить нельзя. Уж никак не из-за того, что не хочет пугать Раису перегаром.

— Дима, а посиди с нами хотя бы? — воркует Раиса сладеньким голосом, от которого у меня сводит скулы. — Мы же только начали!

— Ну товарищ майор, ну Дмитрий Николаевич! — вклинивается захмелевший, счастливый Семен Маркович. — У меня ж юбилей! Пять минут посидите!

Авдеев неприязненно смотрит на раскрасневшегося нач-

меда, шумно выдыхает и всё-таки шагает в комнату. Садится на предложенный стул, широко расставив ноги. Раиса радостно порхает вокруг, подкладывая на пластиковую тарелку лучшие куски колбасы. Она склоняется к его уху, почти касаясь рыжими кудрями гладко выбритой щеки, и что-то жарко шепчет. Он не улыбается, только коротко кивает в ответ.

Во рту мгновенно пересыхает.

Какая же пошлость. Суровый комбат, строящий из себя непреступную скалу, и местная медсестра, готовая выпрыгнуть из халата по первому свисту. Классический полевой роман. Наверняка они сейчас поедут к ней.

Делаю большой глоток местного пойла, но оно уже не греет. Пластиковый стаканчик в пальцах кажется противно-липким, а запах копченой колбасы в душной комнате вызывает тошноту.

Мне здесь делать нечего. Этот местечковый корпоратив с локальными героями, зарубежными медведями и грудастыми медсестрами поперек горла стоит.

Опускаю недопитый стаканчик на подоконник.

— Семен Маркович, еще раз с днем рождения, — громко объявляю. — Я пойду. Смена закончилась, а вещи еще не разобраны.

— Так, а машина... — начмед виновато и как-то по-детски разводит руками.

Выразительно кошусь на водителя «УАЗа», пускающего слюни в углу на стуле.

— Сегодня без чемодана, да и погода хорошая. Прогуляюсь, — миролюбиво отзываюсь я.

Начмед расстраивается, но не спорит. Разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Проходя мимо Авдеева, даже не смотрю в его сторону. Тебя здесь просто нет, тупой, равнодушный, далекий медведь. То есть, простите, гризли...

Вырвавшись в прохладный коридор, с наслаждением вдыхаю запах антисептика. Быстро переодеваюсь в ординаторской и накидываю плащ. Уже на крыльце госпиталя, кутаясь от вечерней сырости, слышу за спиной дробный стук каблуков.

— Диана Александровна! Подождите! — Раиса, уже переодетая в узкие джинсы и короткую куртку, машет рукой. Щеки горят, глаза блестят... За ее спиной огромной бесшумной тенью вырастает Авдеев.

Останавливаюсь на ступеньках.

— Вы у Антонины Васильевны остановились? — запыхавшись, спрашивает медсестра. — Это на соседней улице со мной! Давайте мы вас подкинем. Темно уже, а у Димы машина. Правда, Дим?

Авдеев сверлит меня взглядом. В полумраке крыльца его глаза кажутся абсолютно черными.

— Довезем, — роняет он так, словно выплевывает пулю.

Если откажусь, то покажу им, что мне неприятна их компания. Что я уязвлена, обижена или, не дай бог, ревную.

А вот хрен вам.

— С удовольствием, — растягиваю губы в вежливой улыбке. — Ненавижу ходить по грязи.

Спускаюсь по ступенькам и, не оглядываясь, первой направляюсь к знакомому «УАЗу».

Надеюсь, там на заднем сиденье не лежит букет роз?

13.

Диана

На заднем сиденье валяется свёрнутый бронежилет, моток буксировочного троса и початая пачка сигарет. Никаких роз. Я почти разочарована.

Залезаю назад, подбираю полы плаща, чтоб не зацепиться за трос, ощетинившийся подозрительными колючками.

Раиса по-хозяйски садится вперёд.

— Поехали, Дим, — мурлычет она и кладёт ладонь ему на бедро.

Отвожу глаза от этого слишком уж интимного жеста. Рая могла и не показывать, что это её мужчина. Я и так поняла. Авдеев молча заводит мотор и трогается.

Машину потряхивает на колдобинах, фары выхватывают разбитую дорогу и чёрные коробки домов с огоньками. Никого на улицах. Городок будто вымер. Может, у них комендантский час? А я еще прогуляться хотела.

— Вот видишь, как хорошо. И нам не сложно, и человеку по темени не шагать, — частит Раиса, развернувшись ко мне вполоборота.

На очередной колдобине хватаюсь за потолок. Ручка разбита и царапает ладонь пластиком. Сервис, блин... От парфюма Раисы хочется высунуть голову в окно, как собаке. В сочетании с фирменными запахами «УАЗа» — солярки, пы-

ли и курева — получается непередаваемое амбре.

— Дима никогда не отказывает. Он такой у меня...

Снова ласково поглаживает его бедро, и у меня что-то неприятно сжимается внутри. Списываю это на ухабы. Точно на ухабы. И на спирт.

— Очень мило со стороны Димы, — отзываюсь любезно.

— Да мы ж тут все свои! — Раиса, искренне просияв, любуется профилем своего майора. — Диме-то вообще не сложно.

Смотрю на коротко стриженый затылок Авдеева. Не похоже, что он в восторге.

— Похвально. Великодушный мужчина — это прямо редкость.

Раиса не улавливает яда. Или улавливает, но ей хорошо, и она не обращает внимания.

— Дим, тормозни, меня высади. — Раиса хлопает его по плечу у тёмного двухэтажного барака и, слегка смущаясь, добавляет: — Я пока переоденусь и вообще... Диана Александровна, вам дальше. Доедете, не растрясёт?

— Как-нибудь переживу, — натянуто улыбаюсь я.

Раиса вылезает, обходит машину, наклоняется к водительскому окну. И целует Авдеева в гладко выбритую щеку. Долго и обстоятельно, придерживая ладонью за подбородок, чтобы не вырвался.

Отвожу глаза.

— Жду тебя, Димочка. Диану Александровну побереги.

— И мне, через плечо, уже сахарно: — Доброй ночи! Не скучайте там одна!

Возможно, она ничего плохого и не хотела сказать, но меня ее последняя фраза царапает. Будто шпильку вогнала напоследок.

Хлопает дверца, раздается бодрая дробь каблучков. Слышно, как тикает остывающий мотор, а где-то далеко лает собака. Авдеев не трогается с места. Сидит, положив обе руки на руль, и смотрит прямо перед собой в темноту.

— Можем ехать, — напоминаю я с заднего сиденья. — Если вы не против. Антонина Васильевна меня, наверное, потеряла.

— Пересядь вперёд.

— Мне и здесь хорошо.

— Ты не такси заказала. — Он наконец поворачивает голову, и в полумраке я опять натыкаюсь на мрачный взгляд. — Сзади трясет сильнее.

О да, я заметила!

Вылезаю, перебираюсь вперёд, плюхаюсь на ещё тёплое от Раисы сиденье. Сразу жалею: его плечо на расстоянии нескольких сантиметров. Слышится запах табака и чего-то горького мужского уже без цветочной отдушки.

Интересно, он Раечке сказал, что меня поцеловал? Или у него таких медсестер — пучок в каждом гарнизоне?

— Ну? — не выдерживаю. — Едем или будем медитировать?

Авдеев поворачивает ключ зажигания.

— Язык у тебя всё такой же, — цедит он, глядя на дорогу.

В груди что-то жарко дёргается.

Всё такой же.

Значит, помнит.

— А у вас всё такие же шикарные манеры, товарищ майор. Надеюсь, на Раису они не распространяются?

Он молчит. Желваки ходят под выбритой кожей.

— Раису не трогай, — роняет Авдеев наконец. — Она нормальная баба. Не чета тебе.

Удар бьет метко, и я обиженно отворачиваюсь в сторону. Где уж мне до искренней Раисы с её ладонью на его бедре и поцелуйчиками в щечку?

— Боже упаси, — улыбаюсь в темноту.

Впереди из мрака выныривает блокпост. Бетонные блоки, рогатки, тусклый фонарь. Молоденький боец в каске не по размеру машет жезлом, мол, тормози.

Верчу головой в недоумении. Откуда здесь блокпост? Мне же недалеко вроде. Авдеев останавливается, опускает стекло. Фонарь шарит по салону, слепит, упирается мне в лицо.

— Кто с вами, товарищ майор?

— Врач из госпиталя.

Боец зачем-то долго изучает мои документы, светит то в паспорт, то в глаза, будто я диверсант. Авдеев ждёт, постукивая пальцами по рулю.

И эти несколько минут самые невыносимые.

Деваться некуда. Мы сидим в полуметре друг от друга, в слепящем свете чужого фонаря, и молчим. Я кожей чувствую тепло, идущее от его плеча. Слышу, как он дышит, — ровно и медленно.

Мне хочется вцепиться ему в волосы. Или ударить. А еще хочется, чтобы он повернулся и снова посмотрел на меня своим невыносимым взглядом.

Долбаный компот с бодягой! Что он устроил в моем организме?

— Проезжайте.

Стекло ползёт вверх, фонарь гаснет, темнота возвращается, и мы снова одни.

Авдеев выруливает на мою улицу. Синие ворота Антонины Васильевны выплывают из мрака. Тормозит. Глушит мотор.

— Приехали.

— Спасибо, — дёргаю ручку двери.

Не поддаётся.

Дёргаю ещё раз. Заклинило. Идеальный финал идеального вечера.

— Не дёргай, сломаешь. — Авдеев перегибается через меня к двери.

Его рука тянется к двери мимо моих колен, плечо почти вжимает меня в сиденье, и я перестаю дышать. Майор тёплый. Нет, он горячий! Я даже вижу оставшиеся после бритья волоски у уха — наверное, брился в темноте или наспех. И

родинку на виске.

Почувствовав мой взгляд, поднимает глаза.

Его лицо в ладони от моего. Чёрные глаза опускаются к моим губам и тут же снова смотрят на проклятую заклинившую ручку. Что там смотреть? Темно же и не видно!

В горле пересыхает. Ладони горят. В груди вдруг наливается раскаленный тугой шар и медленно скользит вниз, куда-то в живот, и я ненавижу своё предательское тело всеми оставшимися мозгами.

Дверь щёлкает, открываясь.

— Готово, — произносит он хрипло и отстраняется.

Я вылетаю из машины так, будто она загорелась.

— Всего доброго, товарищ майор. — Голос звенит чуть выше, чем надо. — Поезжайте уже к своей Раечке. Заждалась, поди.

Захлопываю дверцу. Иду к воротам, ощущая его взгляд между лопаток, и заставляю себя не бежать, не оглядываться, держать спину прямо.

Хорошо. Замечательно. Просто прекрасно.

Дойдя до калитки, прижимаюсь лбом к холодному синему железу.

Идиотка. Ты что творишь, Назарова?

Это хам. Тупой, грубый хам с позывным дурацкого медведя и грудастой медсестрой в комплекте. Он сказал, что ты Раисе — не чета. Ему вообще плевать на тебя, да и тебе на него тоже.

Прижимаю ладони к пылающим щекам.

Мотор за спиной не заводится.

Оборачиваюсь.

«УАЗ» всё ещё стоит у ворот. Фары горят, упираясь в ворота. В свете приборной панели я вижу — Авдеев сидит, скрестив руки на руле, и смотрит на меня через лобовое стекло.

14.

Дмитрий

У Раи на подоконнике герань в обрезанной пятилитровке, и герань эта прёт, как сорняк. Раиса всё живое умеет раскормить.

Телевизор бубнит прогноз на завтра: дождь, дождь и снова дождь. Хмыкаю про себя. Колонну под таким дождём вести — сомнительное удовольствие.

Торчу на табурете у стены, расставив ноги, и не знаю, куда деть руки.

— Дим, ну чего ты как неродной? — Рая подсовывает мне тарелку, борщ дымит, в нём качается мозговая кость. — Садись по-людски, за стол. Я ж с мясом наварила. Специально для тебя.

— Не хочу.

— Это как — не хочу? — Она вытирает руки о фартук, упирает кулаки в бока. — Ты ж вечно лопаешь, как не в себя.

Лопал. А сейчас внутри какая-то муть, и от её борща, наваристого, жирного, не аппетит просыпается, а что-то близкое к тошноте.

Встаю. Тесно мне от низкого потолка. А еще духота от плиты. Запах жарёхи и сладкого парфюма будто липнет к нёбу.

Подхожу к окну. Где-то там, за огородами, синие воро-

та Антонины Васильевны, где я врачиху высадил. Она тогда дверцей так хлопнула, что стекло в машине чуть не посыпалось.

— Воды тебе натаскать, что ли? — Киваю на пустые вёдра у печки.

Рая смотрит на меня так, будто я по-китайски заговорил.

— Какой воды, Дим? — Она подкатывается, кладёт горячую ладонь мне на грудь, ведёт ниже. — Я тебя месяц почти не видела, урывками только. Брось ты вёдра. Лучше вот это с меня сними. — Поддевает пальцем поясок халата.

Жду, что внутри всё привычно подберётся от одного шороха ткани.

И… ничего.

Осторожно отвожу её запястье.

— Погоди.

— Чего годить-то? — Она смеётся.

Снова липнет ко мне, тёплая и мягкая. Тычется губами в шею, в челюсть.

Стою бревном. Хоть бы что ёкнуло! Отстраняю её мягко. И, пока она, оторопев, хлопает глазами, хватаю у выхода ведро.

— Жарко у тебя. Пройдусь.

Во дворе хорошо. Сыро, темно, тянет мокрой травой. Налегаю на рычаг колонки, ледяная вода хлещет в цинк. Сдираю куртку, потом — рубаху через голову, и опрокидываю полведра на загривок.

Так хорошо, что аж зубы сводит. Упираюсь ладонями в холодное железо, жду, пока отпустит.

Дыши, Авдеев. Завтра колонна, послезавтра ещё, через неделю и не вспомнишь, как её зовут.

Тьфу. Прилипла, зараза. И глаза эти кошачьи... будто в душу смотрит.

Возвращаюсь мокрый по пояс, гремлю полными вёдрами. Рая уже запахнула халат, сидит на кровати, обиженно ковыряет лак на ногте.

— Одичал ты вконец на своей войне, — бурчит она. Придвигается, хлопает по покрывалу. — Иди уж сюда, бирюк. Высушу.

Опускаюсь на край.

— Дим, оставайся, а? — голос становится мягким, теплеет, и меня тянет обратно на улицу. — Поживи у меня. Чего тебе на той железной койке в казарме мыкаться? Я и постираю, и накормлю. С боевого приходить будешь, а тут дом. Тут я.

Опять двадцать пять.

— Рай... — Я тру лицо ладонью. — Мы ж с тобой говорили.

— Да что мы говорили-то…

— Что у нас ничего нет, — режу прямо, как привык. — Мы с тобой как сошлись, так и разойдемся. Меня перекинуть могут в любой момент. Я тебе это с первого дня объяснил.

Лицо у неё дёргается, но она держится.

— Я ж не в ЗАГС тебя тащу, дурень, — фыркает Рая, отводит глаза. — Поживи только по-человечески. Отдохни.

— По-человечески... — Угрюмо повторяю за ней. Поднимаюсь, стаскиваю с верёвки у печки свою футболку. — Герань на окне, борщ и тапки у порога. Это, Рай, не моё.

— А чего такого-то в борще?! — взвивается она.

— А того. — Натягиваю футболку через голову. — Хорош борщ, когда его раз в месяц ешь, как с боевого вернёшься. Как награду. А каждый день — это уже не борщ. Это повинность.

— Скажешь тоже, — криво усмехается Рая.

— Меня на привязи не надо держать. Иначе я на стену полезу.

— Я для тебя тоже борщ? — сипит в сторону. — Когда захотел, похлебал. Не захотел — отставил.

Не отвечаю. А чего отвечать? Сама сказала точнее меня.

— Я тебе с первого раза не врал, Рай, — говорю глуше. — Ты баба умная. Всё знала.

— Знала, знала. — Она машет рукой, голос ещё держится, но уже на тонкой ниточке. — Думала, обтешешься. Прикипишь. Мужики ж тоже прикипают.

— Я не прикипаю. — Сажусь и лезу за сигаретой, только пачка пустая. Вот чёрт! — Война, Рай. Тут наоборот, налегке надо ходить. Чтоб, если завтра не вернулся, никто по тебе вёдрами слёз не лил.

Не от подлости я так. Но ей этого не объяснишь. Мне бы

сейчас не её пуховую кровать. Мне бы рацию, грязь по самые уши, суматоху, где башка занята делом, а не вот этим всем. Мне бы гнать сквозь дождь и не думать.

Рая утирает нос тыльной стороной ладони.

— Это ты из-за врачихи новой?

Горло стягивает. Не могла же фифа рассказать, как я на нее в машине кинулся?

— Какой ещё врачихи?

— Москвички. — Рая прищуривается. — Девки в ординаторской про неё трещат не умолкая. У нее плащ один тыщ сто, наверное, стоит.

— Глупости не говори. — Я сажусь перед её чертовым борщом и беру ложку в руки.

— Красивая, правда?

— Не знаю. — Запихиваю в себя сразу полную ложку гущи и жую.

— Прямо не знаешь. — Не верит, скалится. — Мужики на неё облизываются, как коты на сметану.

В рот отправляется еще одна ложка, потом еще одна. Я ем, а она смотрит на меня пристальнее, чем нужно. Телефон на клеёнке дребезжит, ползёт к краю стола. Сгребаю его ладонью.

— Авдеев слушает.

— Товарищ майор, — голос дежурного звенит на всю кухню. — Колонну двигают, через час выход с базы. Третий батальон уже грузят.

Через час? Меня к полуночи дернуть должны были. Только в груди не досада, а облегчение.

— Принял. Выезжаю.

Сую трубку в карман. Рая уже всё прочла на моём лице.

— Опять, — выдыхает. Кусает губу, чтобы не дрожала. — Даже борщ не доешь.

— Я себе не хозяин.

— Ты вечно так! – она вскидывается, одёргивает халат. — Наварила, настряпала… Хоть бы поел, ирод.

Подхожу, чмокаю ее в рыжую макушку. От неё пахнет духами, и на улицу тянет ещё сильней.

— В следующий раз, Рай. С боевого вернусь — заеду.

— Ага. С боевого. — Она отворачивается к плите, гремит крышкой громче, чем надо. – Знаю я твой следующий раз.

Виноватым себя ощущаю ровно до калитки.

За калиткой отпускает. И ведь странно, Райка — хорошая баба. Простая и щедрая. Мозг не пилит, борща наварила полную кастрюлю.

А я из её тёплой хаты вылетаю, будто там пожар.

Втискиваюсь в «УАЗ» и отмякаю. Холодное жёсткое сиденье, привычный дух солярки и железа.

Кручу ключ — мотор урчит не сразу, остыл. Тянусь поднять воротник, в кабине зябко, и, уткнувшись носом в собственный рукав, замираю.

Этой рукой я два часа назад тянулся через *неё*к заклинившей дверце. Плечом вжал её в сиденье, рукавом мазанул

по тому самому дорогому плащу. Ткань теперь пахнет чем-то тонким, прохладным и стервозно дорогим. Таким, какого здесь, в этой грязи, отродясь не водилось и водиться не должно.

Ловлю себя на том, что сижу и нюхаю собственный рукав. Как пёс.

Отдёргиваю руку, будто о плиту обжёгся. Со всей дури луплю ладонью по рулю.

Резко газую. Желтые фары выхватывают колею.

Спокойно, Авдеев. Пройдёт.

15.

Диана

Разворачиваю детскую ладонь к свету. Шов хороший – аккуратный, ровный, без узлов-петухов. Максим Александрович не из военно-полевой романтики пришёл — так руку набивают там, где за кривой стежок бьют по голове заведующий. Спрошу при случае, где он практиковал.

— Как тебя угораздило?

— Патроны в костёр бросали, — буркает мальчишка в одеяло.

Неразговорчивый, зато терпеливый. Говорят, не пикнул, пока штопали.

Снимаю перчатку и неожиданно для себя треплю его по колючим патлам. Лето, а он оброс, как дворняга. Мальчишка вздрагивает. Будто не погладила, а замахнулась. Смотрит волчонком и прячет руку под одеяло.

— Откуда имя знаете?

— Карточку видела. Сулимов Тимур, восемь лет. Так?

Там ещё отчество было длинное, с кучей согласных — язык сломаешь. Я даже не стала запоминать.

— Не зовите меня Тимур.

— А как?

— Тимка.

— Как скажешь, Тимка.

Пацан молчит, изучая меня. Снова кладу ладонь ему на макушку. Губы у него вдруг дрожат, словно он пытается улыбнуться или извиняется, что дёрнулся. Волчий блеск уходит из глаз, теперь на меня смотрит обычный ребенок. Уставший и одинокий.

Есть в нем что-то, отчего сердце сжимается. Поднимаюсь, пока внутри не шевельнулось лишнее.

— Скоро заживёт. А со шрамом разберёмся. Обещаю.

Складываю пальцы колечком. Мол, не дрейфь, и выхожу.

Ну и обход сегодня у меня! От «зайки-побегайки» в первой палате еле ноги унесла: Соловьёв звал замуж, суля гараж и огород под Воронежем. А из мальчишки слова не вытянешь. Зато заживает на обоих, как на собаках. Соловьёву антибиотики — и в тыл. Пацану — ещё полежать.

— Раиса... — Машу медсестре в конце коридора. — Сулимова осмотрела. Обработаете?

Раиса кивает и, лениво отбивая каблуками дробь по линолеуму, движется в мою сторону. Глаза в пол. Обиделась?

Вчера она сияла, поправляла декольте и зазывала на корпоратив. Сегодня веки в красной кайме. Скользит мимо боком, будто я заразная. Торможу колесико её столика носком туфли.

— Раиса, случилось что-то?

— Нет. С чего взяли? — Она отворачивается к окну.

Вблизи заметнее. Это не бессонница. Тот случай, когда полночи рыдаешь в подушку, а утром плещешь ледяной во-

дой в лицо, чтобы не догадались. Знаю. Сама с таким видом пришла увольняться.

— У меня патчи есть, — сообщаю шепотом, беря её под локоть. — В ординаторской. Дать?

— Мне чужого не надо, — фыркает, вырывая столик. И добавляет тише: — Мне мальчика обработать надо. Сами велели.

Смотрю в рыжий затылок. Авдеев ей грубостей наговорил? Он может.

Майор кого угодно до ручки доведет. Хочется спросить, но становится не до того. Из приёмного доносится крик. По хребту словно бьет током раньше, чем разбираю слова:

— Врача! Скорее!

Бегу к санитарке, та машет руками, поторапливая.

— Что случилось?

— Привезли только что...

Бросаюсь к каталке. Вижу сама: серый, обмякший боец. Форма от пояса вниз чёрная. В нос бьет железистый запах свежей крови. Медсестричка зажимает рану жгутом, пальцы у неё скользкие, вишневые.

— Откуда?

— Машину подорвало под Камышовкой, — санитарка частит от волнения. — Из третьего батальона, авдеевские. Этого нам, остальных в область. Сейчас еще парочка прибудет.

В груди что-то обрывается. Авдеевские. А сам он где? Мозг подкидывает картинку искореженного «УАЗа». Стоп!

Не сейчас!

— На стол. Максим Александрович где?

— Не знаю...

— Значит, я.

Дальше — на рефлексах. Струя воды, мыльная пена. Щелчок резины на запястьях. Запах антисептика вычищает из головы лишнее. Время становится вязким, зрение схлопывается до операционного стола. Мир за пределами круга ламп исчезает.

Жгут долой — из пахового сгиба толчками бьет алая пульсация. Заливает перчатки. Не артерия, но близко. Осколки превратили бедро в месиво. Один сидит у стенки сосуда, пульсирует вместе с ним. Каждый миллиметр вглубь — смерть.

— Зажим. Ещё. Тампон.

Слышу свой сухой голос словно со стороны. Маша подаёт инструмент точно в ладонь. Руки не дрожат. Молодец.

Только операционное поле и эта рваная железка.

— Спокойно... иди сюда...

Достаю. Звяканье в лотке, и плечи отпускает. С облегчением выдыхаю. Дальше осталась простая работа: чистить, шить. Но уже не смертельно.

— Давление?

— Держится.

— Живи теперь долго, — цежу сквозь маску. — Шрам внукам покажешь.

Сдаю бойца сёстрам. Стягиваю перчатки. Спина мокрая, пальцы ноют, будто вагоны разгружала. Не грудь любовницы депутата, да.

Толкаю дверь в коридор плечом и замираю. У окна стоит майор Авдеев.

В груди ухает и отпускает. Целый, здоровый и плечистый! Крутит в пальцах сигарету — курить нельзя, а руки занять надо. Не смотрит на меня.

Своего, наверное, ждал.

— Жить будет, — говорю ему в каменный профиль. — Осколок вытащили, сосуд цел.

Он молчит. Крошит сигарету. Собираюсь уходить, когда он с неохотой произносит:

— Спасибо.

— Работа такая.

Он поворачивает голову. Тёмный взгляд цепляет и держит. Внутри всё подбирается.

— Всё равно спасибо. И за бойца. И за Тимку...

Поломанную сигарету сует в карман и уходит. Дверь хлопает раньше, чем я успеваю спросить: при чем здесь мальчишка? Его ведь даже не я шила.

16.

Диана

Третьего раненого отправляем в палату ближе к полуночи. Этот был лёгкий, кость не задета. Зашила за сорок минут.

Стягиваю мокрую шапочку, не глядя кидаю в корзину. В зеркале над умывальником — не я, а осунувшееся привидение.

— Пойду подышу, — бросаю Маше, которая смотрит на меня со смесью жалости и благоговения, и, пошатываясь, выползаю в боковой коридор.

В спине точно раскалённая кочерга вместо позвоночника. Пятки горят так, словно я не в кроксах стояла несколько часов у стола, а топала на шпильках по гранитной набережной.

Тяжёлый день! То, что ты и хотела, Диана!

Толкаю дверь на крыльцо и чуть не всхлипываю от облегчения, когда ночной прохладный воздух бьёт по лицу. Глаза не сразу привыкают к темноте, но как только фокус наводится, упираюсь взглядом в знакомую фигуру.

Авдеев сидит на верхней ступеньке, ссутулившись и поставив локти на колени. Он оборачивается, услышав скрип двери, и полоса жёлтого света из коридора освещает уставшее лицо.

Я же видела, как он уходил. Вернулся, что ли?

Ладно. Не получится посидеть в одиночестве — ну и хрен

с ним. Мне нужен только кислород. Молча обхожу его, опускаюсь на ступеньку рядом. Подбираю подол халата, вытягиваю гудящие ноги и скидываю кроксы.

Кайф!

Ветер обнимает ступни, и это лучшее, что со мной случилось за сегодня. Закрываю глаза, запрокидывая голову.

— Колонна моя стоит, — глухо роняет Авдеев в темноту, будто отвечая на мой немой вопрос. — Дизель на второй машине не схватывает. Ребята ковыряются у ворот, я их жду.

Приоткрываю один глаз. Значит, вот почему ты торчишь тут, медвежонок.

— Сочувствую, — выдыхаю в чёрное небо. — У меня дизель тоже почти не схватывал. Часа два назад.

Он коротко усмехается.

— Но всё получилось?

— Конечно.

— Молодец.

Это вырывается у него так буднично, что я даже не сразу понимаю: меня сейчас похвалили. И почему-то от этого короткого «молодец» внутри становится приятнее, чем от ветерка на ногах.

Молчим. И, что странно, неловкости нет. Будто мы оба слишком вымотались, чтобы ещё и языками чесать.

— Почему ты мне тогда «спасибо» сказал? — спрашиваю тихо, не открывая глаз. — За Тимку.

Авдеев пожимает плечами.

— Он сказал, у тебя глаза добрые.

Улыбаюсь.

— Тимке восемь лет. Ему свойственно ошибаться.

— Ты ему нравишься. Заходи его проведывать иногда.

Молчу. Лень отвечать. Да и что тут ответишь? И так зашла бы. Он это понимает.

Опускаю голову и разглядываю свои ноги. Носок на большом пальце пополз стрелкой, но мне плевать, что Авдеев это видит. Он шевелится, лезет в нагрудный карман. Достаёт мятую пачку, копошится в ней и протягивает мне сигарету.

Смотрю на картонку. Потом на него.

— Я не курю.

— Я тоже когда-то не курил.

Молча беру кривую сигарету. Сама не понимаю, зачем — я лет восемь эту гадость в руки не брала. Ярослав мне тогда только раз замечание сделал, сказал, что от меня разит, как от мужика.

Авдеев чиркает зажигалкой. Колеблющийся огонёк выхватывает из мрака его скулу, жёсткую щетину, глубокую морщинку у глаза. Затягиваюсь, и через секунду меня сгибает пополам. Кашляю, содрогаясь всем телом, как больная лошадь. Прикрываю рот ладонью, давясь едким дымом.

— Что это... — хриплю сквозь выступившие слёзы. — Что это вообще, Авдеев? Своей любимой соляркой набил?

— Нормальные сигареты.

— Это не сигареты. Это химическое оружие.

Он хрипло смеётся. И от этого звука у меня снова идёт горячая волна куда-то к ушам. Ругаю про себя собственное дурацкое тело, которое перестает слушаться хозяйку и краснеет, когда ему не велено.

— У тебя позывной какой? — Утираю ладонью слёзы, выступившие от кашля. — Гризли, да?

— Угу.

— Почему?

Молчит. Я уже решаю, что перегнула палку — мы же не на исповеди, но он вдруг роняет, разглядывая тлеющий огонёк в пальцах:

— Лет десять мне было. Кино про индейцев посмотрел, решил, что переплыву океан до Америки. Тётка меня тогда искала с хворостиной и орала: «Я тебе покажу, гризли».

— Если про индейцев, то логичнее было бы Зоркий Сокол или Чингачгук. Хорошо бы по рации звучало.

Он смеётся, хлопнув себя по колену. И так заразительно, что я не выдерживаю. Запрокидываю голову и тоже хохочу. По-настоящему, как смеялась очень давно, ещё в институте, когда было легко и нестрашно жить.

— Боже, Авдеев… Ты прямо Гекльберри Финн! — всхлипываю от смеха. — Тот тоже из дома по реке сбегал.

— Это кто?

— Это… — Оборачиваюсь к нему. — Это книжка. Марк Твен. Мальчишка по реке на плоту уплыл.

— Не читал.

— Я уже поняла.

Говорю это абсолютно без яда. Не читал и не читал, подумаешь…

— Я не доплыл бы, — улыбается в темноту. — Речка у нас была метров сто шириной и по колено глубиной. И ни одного гризли в радиусе десяти тысяч километров.

Снова смеюсь. Он курит, а у меня от дыма приятно кружится голова.

— Что случилось у вас сегодня? — спрашиваю тихо. — Почему раненых столько привезли?

— Это немного…

Дверь за спиной с противным скрипом открывается.

— Товарищ майор! Подсобите санитару с носилками.

Раиса. Голос вроде ровный, но не такой приятный, как раньше.

Оборачиваюсь. Раиса стоит на пороге в накинутой поверх халата ветровке. В руках почему-то полотенце.

Долгая, очень долгая, почти звенящая секунда.

Иди, майор. Тебя там ждут. И носилки, и Раечка. Чего расселся?

— Иду, — глухо роняет Авдеев. Бросает окурок на бетон, тяжело наступает ботинком и поднимается, а потом кидает мне на колени пачку. — Держи.

Проходит мимо Раисы в коридор. Та задерживается на пороге и смотрит на меня в упор. Я не выдерживаю первая, опускаю глаза. Только тогда она разворачивается и уходит

следом.

Дверь захлопывается.

Остаюсь на крыльце одна. На коленях — пачка сигарет. А на лице — совершенно идиотская улыбка, которую я просто не могу стереть.

Взрослая женщина. А радуюсь, как подросток, разжившийся халявным куревом.

Надо же. Океан хотел переплыть. Медвежонок.

17.

Диана

На утреннем обходе сразу иду к Тимке: хочется его увидеть после вчерашнего разговора на крыльце. Покоя не дает мысль, что я ему нравлюсь. Вроде ничего особенного, но душу греет.

У приоткрытой двери торможу, услышав баритон Авдеева и заглядываю в щелочку.

Майор сидит на табурете спиной ко мне. Оперся локтями на колени, и я вижу, как ходят под зеленой футболкой мощные лопатки.

Тимка сидит в кровати, подтянув худые колени к подбородку, и слушает, распахнув глаза.

— ...ну и бахнуло, — спокойно гудит Авдеев. — Мы только из-за поворота вышли, а тут сюрприз. Хлоп — и колеса нет. Машину набок завалило.

— А вы, дядя Дима? — шепчет Тимка.

— Я в конце колонны шел, всегда замыкаю. Мне-то вот, видишь, — выпрямляется и стучит кулаком по груди, — ничего. Сашка ногу ушиб сильно... Но ничего, все живы.

Задерживаю дыхание, прикрыв рот ладонью. Сашка — это тот, у которого я осколок из артерии доставала. Ничего себе ушиб!

— В первой машине всех зацепило, — вздыхает майор.

— Второй тоже досталось... Пришлось постараться, чтобы парней довезти, но всё получилось.

Слушаю эту сказочку и думаю, что нет в ней ничего из того, что творилось здесь ночью. Этому Сашке, который «ногу ушиб», наверняка пришлось жгуты крутить под обстрелом, пока другие парни харкали кровью.

А Авдеев рассказывает об этом так буднично, будто у них телега сломалась. Ни крови, ни мата, ни мяса. Так, чтобы пацан не испугался, а впечатлился: мол, что бы ни случилось, дядя Дима всё разрулит.

И вдруг доходит. Спроси я его вчера всерьез про раненых, он бы мне так же обтекаемо ответил.

Не потому, что считает дурой. Инстинкт у него такой — закрывать других от ужаса. От крови, оторванных конечностей, смерти. Он фильтрует войну, принимая удар на себя, чтобы тем, кто слабее, досталась только отредактированная, безопасная версия.

— Доктор пришла! — Тимка замечает меня и тычет здоровой рукой в сторону двери.

Авдеев осекается и медленно поворачивает голову. Мы встречаемся глазами, и я выдерживаю его темный, нечитаемый взгляд. Он знает, что я слышала. Я знаю, что он не договаривает.

Толкаю дверь плечом, захожу.

— Здравия желаю, товарищ майор. Не помешала боевому докладу?

— Никак нет, — отворачивается.

Подхожу к койке и разматываю бинты на детской ладони. Тимка сегодня не дергается, доверяет. Или страха перед комбатом не хочет показывать?

— Ну что, герой? Как твой шрам?

Внимательно смотрю. Чисто, воспаления нет.

— Дядя Дима говорит, шрамы мужика украшают! — гордо заявляет пацан, косясь на Авдеева.

— Дядя Дима, конечно, непререкаемый авторитет. — Я профессионально ощупываю края раны. — Ты при желании даже на рояле сможешь играть.

— На рояле... скажете тоже, — хмыкает он. Не смеется, как обычные дети. А именно хмыкает, будто я ему чушь какую-то говорю.

— На поправку идёшь, молодец, — игриво хлопаю его по ноге под одеялом.

Тимка вдруг серьезнеет и заглядывает мне в глаза:

— А можно мне еще здесь полежать? Заживает же долго, да?

— Куда торопиться? — пожимаю плечами, доставая свежую салфетку. — Неделю точно полежишь, а там посмотрим, как мама забирать приедет...

Договорить не успеваю. Авдеев вдруг протягивает руку и накрывает мои пальцы, лежащие на детской коленке. Шершавая, горячая ладонь ложится поверх моей. Замолкаю на полуслове, непонимающе глядя на майора. Авдеев смотрит

многозначительно и коротко качает головой. Мол, молчи, потом объясню.

Сдавливает чуть сильнее, чем нужно для простого жеста и воздух в палате вдруг тяжелеет. Тело реагирует быстрее мозгов — низ живота обдает предательским теплом.

Дышать становится нечем, будто на меня набросили плотный стеклянный колпак.

Его ладонь всё еще на моей. Не на грудь смотрит, не на задницу... Ничего такого, но я вспыхиваю так, словно меня раздели.

В палате только мы. Взрослый суровый мужик, чужой ребенок со странным непроизносимым отчеством, и я. Сидим, соединенные случайным, нелепым жестом.

Почему-то возникают ассоциации с семьей. И это ощущается естественно и правильно. Будто так и должно быть.

Господи, Назарова. Какая семья? Окстись. Ты здесь временно, он — комбат с другой планеты, пацан вообще чужой.

Но грудную клетку сдавливает так, что ребра трещат.

Резко выдергиваю руку. Встаю и отворачиваюсь, пряча пылающие щеки.

— Жить будешь, Тимка. К медсестре иди на обработку.

Иду к выходу, стараясь не бежать.

— До свидания, Диана Александровна, — произносит мне в спину Авдеев.

Замираю на долю секунды, вцепившись пальцами в дверной косяк.

Голос у него хриплый. Будто ему тоже под стеклянным колпаком не хватило кислорода.

18.

— Диана Александровна, ну что мне делать теперь? — доносится до меня беззаботный голос. — Я ж теперь неполноценный жених! Кто со мной, хромым, в ЗАГС пойдет?

Разворачиваюсь. Соловьёв картинно опирается на костыли посреди коридора. На губах играет хитрющая улыбка.

—Пойдут, не волнуйся. Скажешь, что товарища из-под танка выволок. Тебя с руками оторвут. И с ногами. И огородом под Воронежем.

— А вы как же? — Он строит умильные щенячьи глаза.

Такой он забавный, «зайка-побегайка», что не могу не улыбнуться.

Его молодость и энергия — то, чего мне сейчас не хватает, а неловкий флирт пробуждает что-то светлое в груди. Мне нужен этот свет. Потому что сегодня я проснулась абсолютно разбитой.

Мне снились коридоры клиники в Москве. А потом — Авдеев. Только не огромный и уверенный, а серый и обмякший, в пропитанной кровью форме. Я давлю ему на грудь скользкими перчатками, кричу что-то беззвучно. А у него глаза открыты, и в них абсолютная пустота.

Я проснулась в холодном поту и вертелась до утра, пытаясь выкинуть эту дрянь из головы. Вроде получилось, но тя-

желое чувство осталось. А тут Соловьев со своим оптимизмом...

— У меня аллергия на воронежские черноземы, — смеюсь я.

Понятно, что клеится от скуки — лежать сутками в палате то еще испытание, вот и развлекает себя как может.

— Дадите телефончик? — Соловьев не сдается. Балансирует на одном костыле и ловко выуживает смартфон из кармана.

Нет, это уже наглость. Отступаю на шаг, скрещиваю руки на груди и смотрю с наигранной строгостью.

— Обойдешься!

— Я возмущен! — Он прячет телефон. — А я думал, между нами лед тронулся! Вы ж почти согласились...

— Послушай, — серьезно смотрю я в его лукавые карие глаза. — Хорошее настроение важно для выздоровления, но...

Договорить не успеваю.

Соловьев пошатывается. Костыль с противным скрипом скользит по линолеуму. Он делает неловкий выпад и, якобы теряя равновесие, крепко обхватывает меня за талию. Прижимает к себе так плотно, что я чувствую жар его тела.

— Ой, Диана Александровна, спасайте, падаю! — картинно выдыхает мне в ухо он.

Рефлекс срабатывает быстрее, чем я успеваю сообразить. С силой отталкиваю его и звонко бью папкой с назначениями

по наглым пальцам.

Соловьев отшатывается и с грохотом роняет костыль. Нелепо взмахивает руками, чудом удержавшись на здоровой ноге.

— Зато пообнимались, — заявляет с усмешкой. — Мне понравилось, а вам?

Прыгает на одной ноге, морщится и безуспешно пытается дотянуться до пола. Открываю рот, чтобы высказать наглецу всё, что о нем думаю, но в этот момент слышу скрип резиновой подошвы.

Оборачиваюсь.

Авдеев. Идет по коридору, чеканя шаги. В пальцах зажат пластиковый пакет.

Лицо мгновенно обдает горячей волной.

Я не видела его целых два дня! И как бы ни ругала себя за глупые мысли, подсознательно ждала нашу встречу. Но что она случится в такой идиотской ситуации — не догадывалась.

Губы дрожат, пытаясь сложиться в улыбку. Майор приближается, но лицо у него такое, будто убивать идет, а не здороваться.

О господи! Он же всё видел! Сейчас Соловьева по стенке размажет за неуставные отношения. И не объяснишь, что это просто дурацкая шутка.

Мы с Соловьевым вытягиваемся, как на плацу. Он, кажется, тоже струхнул. Делаю шаг вперед, инстинктивно закры-

вая собой пациента.

Авдеев замирает рядом с нами, молча наклоняется и поднимает костыль. Выпрямляется и впихивает его в руки растерянному Соловьеву. Тот только рот открывает.

На меня майор даже не смотрит. Идет дальше, не сбавляя шага, словно я пустое место.

Меня будто ледяным сквозняком обдувает.

Авдеев доходит до нужной двери, берется за ручку палаты Тимки и толкает её от себя.

— Ну здорово, боец! — разносится по притихшему коридору преувеличенно бодрый баритон.

Дверь глухо захлопывается.

— Чего это он? — Соловьев, повиснув на костылях, озадаченно смотрит ему вслед. — Странный какой-то...

19.

Дмитрий

Щелчок. Лязг металла. Снова щелчок.

Затворная рама скользит по пазам с сухим звуком. Пружина под пальцами тугая, но знакомая.

Собираю пистолет вслепую. Разбираю. Снова собираю.

Пальцы работают на глубокой мышечной памяти, на ощупь считывая насечки на металле.

Щелчок. Лязг. Щелчок.

Обычно это успокаивает, но сегодня не работает.

Перед глазами, как заевшая кинопленка, крутится одна и та же картинка. Светлый больничный коридор. Руки этого щенка Соловьева на её талии. И она смеется, запрокинув голову. Да, потом оттолкнула, треснула папкой. Но тоже игриво так...

Какого черта она вообще позволила ему подойти так близко? Строит глазки, хихикает с пациентом посреди коридора.

Бесит.

Сжимаю возвратную пружину так, что металл с болью впивается в кожу.

Хотелось подойти, взять этого сопляка за шкирку и вышвырнуть в окно вместе с костылями. Или сломать обе руки, чтобы не распускал их.

Едва сдержался. Загнал бешенство куда-то под кадык, на-

тянул плотную маску и прошел мимо.

Будто пустое место обошел.

Будто не видел, как она дернулась, как вспыхнула, как попыталась шагнуть мне навстречу, инстинктивно закрывая собой этого урода.

Защищала его. От меня.

Вколачиваю магазин в рукоять с такой силой, что звук бьет по ушам. Отбрасываю пистолет на стол. Металл тяжело звякает о дерево.

Тру лицо ладонями. Пахнет оружейкой и порохом. Мне нравится этот запах, но сегодня хочется содрать его вместе с кожей.

Идиот. Какой же ты идиот, Авдеев. Что тебя кроет-то?

Она тебе кто? Жена? Невеста? Девушка?

Она тебе никто!

Заворачиваю оружие в промасленную тряпочку. Достаю сигарету, прикуриваю. Затягиваюсь медленно.

У неё должен кто-то быть.

Тридцать с лишним, не дура, не уродка, в ушах какие-то камешки. Обручального кольца нет, а на безымянном — белая полоска ещё не сошла. Совсем недавно сняла.

Я ж не слепой.

Значит, кто-то есть. Или был. Мужик с чистыми ногтями, дорогим парфюмом, машиной с климат-контролем. Кто возит не на «УАЗе» по колдобинам, а на тихом немце по гладкому автобану.

Только что-то случилось. Иначе бы её сюда не занесло: женщины от хорошей жизни в прифронтовую дыру не едут. Наверное, проучить кого-то решила. Через месяц вернётся как миленькая.

Затягиваюсь снова. Дым царапает горло, но узел внутри не расслабляется, так и держит.

Она перебесится здесь, наиграется в войнушку, вылечит пару таких вот Соловьевых и свалит обратно в столичную сытую жизнь.

А ты останешься. Так что засунь свою ревность в задницу, Авдеев. Выкинь её из головы.

Впечатываю окурок в жестяную банку из-под тушенки.

В дверь коротко, нервно стучат. Вскакиваю, оправляя футболку. В башке тупо вспыхивает: неужели она? Пришла права качать за то, что проигнорировал ее в коридоре? Пришла высказать всё, что думает о моих манерах, сверкая своими невыносимыми глазами?

Размечтался, майор. С хера ли Назаровой тащиться к тебе на ночь глядя? Сидит сейчас в ординаторской и строчит эсэмэс мужику с климат-контролем или любезничает с пациентами.

Делаю два шага к двери и распахиваю не глядя. На пороге — Раиса.

От накатившего разочарования воздух с тихим шипением вырывается из легких.

— Привет! — улыбается Рая, а голос тихий и бесцветный.

Она без обычной боевой раскраски. Бледная, осунувшаяся. Плащ накинут прямо поверх больничного халата, волосы собраны в небрежный хвост.

Только её сейчас не хватало.

— Рая, — говорю ровно, перегораживая дверной проем. — Мы всё обсудили. Не начинай по новой.

Она не уходит. Смотрит на меня снизу вверх воспаленными глазами.

— И что, ты меня выгонишь теперь?

Спрашивает вроде шутливо, но в глазах мелькает испуг. И правда думает, что выгоню. Даже жаль ее становится.

— Пошли на улицу, — Не глядя на нее, всовываю босые ноги в берцы. — Там поговорим.

Шнурки не завязываю, небрежно заправляю хвостики. Мы же ненадолго.

Я просто не хочу пускать её в комнату. Не хочу, чтобы здесь пахло её духами, пусть лучше оружейной смазкой воняет, так привычнее и легче. Провожу её до дома.

— Ты меня пугаешь, — Раиса удивленно отступает. — Слушай, извини, что я так без предупреждения. Я же не думала…

Я молча протискиваюсь мимо неё к выходу. Она виновато закусывает губу и вздыхает.

— Как скажешь, Дим.

Да, хорошая Раиса. Послушная и покладистая. Что ж не ёкает-то от нее? Как мокрая шинель на плечах — тяжело

тянет вниз, и вроде жалко выбросить — вещь то хорошая.

Прикрываю дверь и устало почесываю бровь.

— Пошли уже. По дороге расскажешь, что хотела...

20.

Дмитрий

— Надеюсь, ты не хочешь лесной романтики, — натянуто смеется Раиса, когда мы спускаемся с крыльца. — Там комары сейчас размером с теленка. Лучше уж романтика дома, в теплой кроватке.

Молча, втянув голову в плечи, топаю к калитке. Мне смеяться не хочется. И настроение не игривое ни разу. Пресным всё кажется, как больничная каша.

— Погода хорошая, давай пройдёмся.

Придерживая калитку перед Раисой, щурюсь на тяжелые облака, сквозь которые на горизонте пробивается алое вечернее солнце.

— Да, хорошая, — неуверенно соглашается Раечка и шмыгает мимо меня на щербатый тротуар.

Но я понимаю, что ей все равно на облака и золотые полосы в небе. Волнуется и напряжена, я это чувствую.

— Дим, — Раиса берет меня под руку и идёт рядом, примериваясь к моим шагам. — Ты на себя не похож. Что-то случилось?

Пожимаю плечами и топаю дальше. Да хрен его знает, что случилось. Навалилось всё. Парни, госпиталь, Тимка этот. И дурь в башке, которую ничем не вытравить.

Она вдруг останавливается, дёргает меня за локоть, за-

ставляя затормозить:

— Дим... У вас что-то было с врачихой, да?

Рая смотрит мне в глаза, задрав голову. Нервно комкает платок на шее. И жаль её, и сказать нечего.

Засовываю руки глубоко в карманы, поднимаю взгляд и выдыхаю. Её ладонь сама падает с моего локтя. Хочу сказать ей, что надоело мне это слушать. И нет сил выяснять отношения.

Над нами проплывает тёмное облако, которое напоминает мне слона с двумя хоботами. Опускаю взгляд на Раису и почему-то произношу:

— Я ее поцеловал однажды.

Выходит небрежно, будто мимоходом. Стою и с преувеличенным вниманием рассматриваю серые пуговицы на её плаще. Произношу это, и даже легче становится. Словно отрезаю от себя и Раису, и ее герань, и пуховую перину.

— Что?

Раиса замирает, будто из этого слона-облака мелькнула молния и поразила ее. Смотрит на меня в полном недоумении. Глаза круглые, веки подозрительно набухают.

— Я ее поцеловал, — перевожу на её лицо спокойный и отстраненный взгляд. — Так получилось.

Секунда, вторая...

Раиса вдруг громко и обиженно всхлипывает, а потом утыкается носом в собственные ладони.

— Я так и знала, что-то было...

— Ничего не было.

— Она мне ещё в глаза на работе смеет смотреть! — возмущенно стонет Раиса. — Как же это все...

Пятится, мотая головой. Словно не веря. Смотрю, как она отдаляется. Ну и к лучшему всё.

Уйдет?

Она прекрасно знает, что у нее нет такой роскоши, как психовать, кричать и мотать мне нервы ревностью. Я не побегу за ней, не стану останавливать.

— Ты не мог, — шепчет она сквозь пальцы. — Ты…

Тормозит. Убирает руки от лица и, тяжело дыша, смотрит исподлобья, будто сейчас бросится на меня.

Нет, не сбежит.

— Она сейчас тебя поманила, а потом оттолкнет! — выкрикивает с отчаянием.

— Да, — соглашаюсь. — Только она и не манила. Я сам.

— Ведь у нас могло бы быть всё по-настоящему, Дим! Я ведь к тебе со всей душой. Кому ты нужен-то, кроме меня?

— Послушай, — игнорирую ее гневную, отчаянную тираду. — Я согласен, что потратил твое время. Но я не обещал тебе того, чего не смогу дать. Мне жаль.

Раиса хмурится и в негодовании повторяет:

— Она бросит тебя, и я буду этому рада! Потому что она тебя не любит!

Последняя фраза переходит в тонкий визг, и этот окрик уносит холодный ветер. Раиса замолкает, тяжело дыша, в

ожидании, что я начну спорить или оправдываться.

— Так и будет, — соглашаюсь ровно.

Раиса смотрит в сторону, нервно, надломлено смеется и переводит на меня взгляд.

— Дим, я понимаю, она яркая женщина. — Рая комкает в пальцах пояс плаща. — Я не такая. Но она всем мужикам головы дурит!

В этом я тоже не сомневаюсь. Дурит.

И Раиса тоже дурит. Не так уж сильно я ей был нужен, но сейчас Рае больно от того, что из-за Назаровой я уязвил ее женскую гордость. Проиграть столичной врачихе, с которой у нас ничего нет и быть не может — обидно вдвойне.

— Я ведь пришла к тебе не за этим, — Раечка слабо, вымученно улыбается. — Хотела новостью поделиться. Но теперь понимаю, что она не очень хорошая.

В ожидании «хорошей» новости глубже запахиваю куртку. Холодный ветер лижет шею. Раиса лезет в карман плаща. Что-то достает оттуда и крепко стискивает в кулаке. Поджимает губы и слегка приподнимает подбородок.

Ее истерика вдруг заканчивается.

— Я думаю нам нужно кое-что обсудить, — шепчет отчаянно. — Ты, Дима, просто запутался. Но с этим мне что делать, скажи?

Рая разжимает ладонь, на которой лежит использованный тест на беременность.

Встряхивает рыжими волосами:

— У меня задержка, Дима. Я беременна.

21.

Диана

На столе затягивается противной плёнкой растворимый кофе. Достаю из брошенной на подоконнике пачки Авдеева сигарету. Кручу её в пальцах, подношу к лицу и втягиваю запах.

Воняет безбожно. Надо же, дрянь какая.

Черчу ногтями борозды по мягкому фильтру, а потом зло крошу сигарету пальцами. Сухой табак сыплется на стол, и я тут же жалею о своей вспышке. Теперь и руки будут вонять.

Сгребаю ошмётки в ладонь, ссыпаю в клочок бумаги, комкаю, швыряю в урну под столом. Туда же летит пачка. Ещё не хватало, чтобы от стола разило.

Какой же он наглец!

Гризли! Авдеев – вылитый гризли. И не потому, что в Америку собрался. А потому что дикий, и человеческого в нём, кажется, не осталось ни грамма.

Бесит!

Мне ведь почудилось, что между нами проскочило что-то живое. Настоящее. Что мы наконец заговорили по-людски. А потом облил меня фирменным авдеевским презрением. Скользнул взглядом, как по облупленной краске на стене. Не кивнул даже. Будто я у него денег заняла и не отдаю. Или оскорбила смертельно.

Не поним

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.